

НОВАЯ КОМПАРАТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*

Симеон Дьянков, Эдвард Глэзер, Рафаэль Ла Порта,
Флоренсио Лопес-де-Силанес, Андрей Шляйфер**

Резюме

В последние годы компаративная экономическая теория переживает возрождение, переключив внимание на сравнение капиталистических стран. Предметом новых исследований является то существенное влияние, которое институты оказывают на экономическое развитие. Мы утверждаем, что для понимания капиталистических институтов необходимо разобраться в фундаментальной проблеме выбора между издержками беспорядка и издержками диктатуры. Далее мы используем данную логику для изучения структуры эффективных институтов, последствий их колониальной трансплантации*** и политики институционального выбора.

Классификация JEL: H1, K1, P1, P14, P16, P37, P5, P51

1. ВВЕДЕНИЕ

Традиционная компаративная экономическая теория акцентирует внимание главным образом на сравнительном анализе капитализма и социализма¹. При социализме основным механизмом распределения ресурсов является централизованное планирование. При капитализме таковым механизмом является

* Djankov, S., Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2003) *The New Comparative Economics, NBER Working Paper*, 9608.

© Djankov, Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes, and Shleifer, 2003

** Симеон Дьянков – научный сотрудник Всемирного банка (г. Вашингтон, США), e-mail: Sdjankov@worldbank.org; Эдвард Глэзер – профессор Гарвардского университета (г. Кембридж, США), e-mail: Eglaeser@harvard.edu; Рафаэль Ла Порта – профессор Гарвардского университета, e-mail: Rafael_Laporta@harvard.edu; Флоренсио Лопес-де-Силанес – директор Международного института корпоративного управления Йельской школы менеджмента (г. Нью-Хейвен, США), e-mail: florencio.lopezdesilanes@yale.edu; Андрей Шляйфер – профессор Гарвардского университета, e-mail: ashleifer@harvard.edu. Авторы выражают благодарность Дарону Ачемоглу, Оливеру Бланшару, Рафаэлю Ди Телле, Симону Джонсону, Питеру Маррелу, Катарине Пистор, Ричарду Познеру, Дани Родрику, Жерару Ролану, Лоуренсу Саммерсу и Даниелю Трисману за полезные комментарии. Взгляды, выраженные в данной статье, принадлежат исключительно авторам и необязательно совпадают со взглядами Национального бюро экономических исследований.

*** Под колониальной трансплантацией институтов авторы понимают их экспорт в другие страны, который, как правило, носил принудительный характер. – *Прим. пер.*

¹ Данная область знаний имеет свою собственную категорию в классификации «Journal of Economic Literature», называемую «Экономические системы». Подкатегориями являются «Капиталистические системы», «Социалистические системы», «Социалистические институты», «Другие экономические системы» и «Сравнение экономических систем».

рынок. Компаративная экономическая теория, берущая свое начало по меньшей мере с дискуссий о рыночном социализме 1930-х гг., выясняет, при каких условиях план, а при каких – рынок обеспечивает большую экономическую эффективность и равенство.

К тому времени, когда социализм потерпел неудачу в странах Восточной Европы и Советском Союзе, данный вопрос потерял почти весь свой смысл. Было ясно, что социализм ведет к нищете и неэффективности – не говоря уже о массовых убийствах, практиковавшихся коммунистическими диктаторами. Капитализм, напротив, вел к росту и богатству. Умерла ли компаративная экономическая теория с триумфом капитализма?

Ответ на этот вопрос, как утверждается в данной работе, *отрицательный*. Традиционная компаративная экономическая теория эволюционировала в новую область знаний. Общим для данной области и ее предшественницы является утверждение, что путем сравнения альтернативных экономических систем мы можем лучше понять механизм функционирования каждой из них. Однако данная область рассматривает ключевые сравнительные характеристики альтернативных капиталистических моделей, преобладающих в разных странах. В каждой капиталистической стране имеется множество общественных и частных институтов, которые служат для выбора политических лидеров, обеспечения защиты прав собственности, перераспределения богатства, разрешения споров, управления фирмами, распределения кредита и т. д. Политическая экономия на протяжении последних двух столетий, а также последние эмпирические исследования показывают, что эти институты в отдельных странах имеют серьезные и устойчивые отличия, и это оказывает существенное влияние на функционирование экономики. Анализ различий и составляет предмет новой компаративной экономической теории.

Приступая к рассмотрению этих вопросов, лучше всего обратиться к основополагающим принципам. Начиная с эпохи Просвещения экономисты были единодушны в том, что хорошие экономические институты должны обеспечивать защиту прав собственности, позволяя людям получать отдачу от своих инвестиций, заключать контракты и разрешать споры. Такая защита стимулирует инвестиции в человеческий и физический капитал и тем самым благоприятствует экономическому росту. Как писал Смит, «во всех странах, где существует достаточная защита [прав собственности], каждый человек, обладающий здравым смыслом, будет стараться использовать имеющиеся в его распоряжении запасы [капитала]... В тех несчастных странах... где люди постоянно опасаются насилия со стороны вышестоящих, они зачастую закапывают и прячут большую часть своих запасов [капитала]... если им грозит одна из тех бед, которые они имеют основания ожидать для себя каждую минуту» (Smith (1976)).

Но защита прав собственности носит двойственный характер. С одной стороны, инвестиции должны быть защищены – обычно государством – от экспроприации соседями, ворами, конкурентами или правонарушителями. Гоббс рассматривал контроль за беспорядком в частной сфере – войну всех против всех – в качестве центральной проблемы государства (Hobbes (1991)).

Проблемы беспорядка – преступность, этническое насилие, захват земель, взяточничество, экспроприация инвестиций и т. д. – продолжают беспокоить современные развивающиеся страны. С другой стороны, государство, способное обеспечить защиту прав собственности от нарушения в частном порядке, само может стать нарушителем и воров. Смит указывает на насилие именно со стороны «вышестоящих». Монтескье еще более категоричен: «Крупные торговые предприятия отсутствуют в монархических государствах, но существуют в республиканских государствах... Ощущение большей уверенности в отношении владения собственностью в этих [республиканских] государствах способствует тому, что [купцы] предпринимают самые разнообразные действия... Будучи уверенными в сохранности того, что уже было приобретено, они смело вкладывают свой капитал с тем, чтобы приобрести еще больше... Общее правило: государство, находящееся в рабстве, работает больше, чтобы сохранить, чем приумножить; свободное государство – больше, чтобы приумножить, чем сохранить» (Montesquieu (1984)). Согласно взглядам, господствовавшим в эпоху Просвещения, ключевым аспектом защиты прав собственности является контроль за диктатурой.

Фундаментальной проблемой институционального устройства является противоречие между двумя схожими целями – контролем за беспорядком и контролем за диктатурой. Гоббс, больше всего опасавшийся беспорядка, отдавал предпочтение абсолютизму, но впоследствии было признано, что крайние решения, как правило, являются неоптимальными. Создатели Конституции США осознавали, что борьба с беспорядком и преобладанием местных интересов посредством более сильного центрального правительства прямо противоречит цели ограничения власти суверена (Hamilton, Madison, and Jay (1961)). Данная проблема институционального устройства присутствует и в современных работах, главным образом в рамках институциональной экономической теории (Hayek (1960); Olson (1965; 2000); Demsetz (1967); North (1981; 1990); North, Weingast (1989)) и теории общественного выбора (Buchanan, Tullock (1962)). Кроме того, эмпирические исследования подтверждают тесную связь между хорошими институтами и экономическим развитием (De Soto (1989); De Long, Shleifer (1993); Besley (1995); Easterly, Levine (1997; 2003); Knack, Keefer (1995); Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001); Rodrik, Subramanian, and Trebbi (2002)).

Интерес к институтам оживился с крушением социализма и переходом стран Восточной Европы, бывшего Советского Союза и Китая к капитализму. Опыт перехода был самым разнообразным. Многие страны Центральной и Восточной Европы, в частности Польша, Словения, Венгрия и Чехия, в течение 1990-х гг. успешно создали прочную демократию и многие из правовых и регулирующих институтов капитализма. Экономика этих стран росла быстро, и ожидается, что они полностью интегрируются в Европу в течение следующих нескольких лет. Страны, расположенные дальше на восток, такие как Румыния и Россия, также двигались в сторону создания демократии и рыночных институтов, но их опыт был более сложным. Некоторые из азиатских стран, от Казахстана до Китая, не встали на путь создания демократии,

но осуществили значительные экономические реформы, и экономика этих стран росла, как в случае Китая, потрясающими темпами. И, наконец, некоторые страны с переходной экономикой, включая Кубу, Беларусь и многие страны Центральной Азии, реформ не проводили, и их экономика стагнировала.

В прежних дискуссиях о стратегии трансформации в центре внимания находилась скорость реформ – «большой взрыв» или градуализм – как ключевой детерминант функционирования экономики. Несмотря на то что в настоящее время стало ясно, что отсутствие реформ, как в случае Беларуси и Кубы, ведет к экономической и политической стагнации, акцент на скорости реформирования оказался чрезмерным. Существенные различия между странами имели более важное значение для эффективности новых институтов (Murrell (1995)). Страны Центральной Европы достигли успеха в создании эффективных институтов демократии и рыночной экономики. Россия, двигавшаяся столь же быстро или даже быстрее по многим направлениям реформ, также создала успешное демократическое правительство, но столкнулась с более серьезными проблемами коррупции и захвата государства, так что экономический рост начался лишь недавно.

Этот неоднозначный опыт вызвал много вопросов. Некоторые из них относятся к проблеме контроля за беспорядком. В какой степени желательна государственная собственность? Польша, Чехия и Россия осуществили широкомасштабную приватизацию. Китай сохранил в государственной собственности крупные отрасли, и, тем не менее, его экономика росла самыми высокими темпами. В какой степени государство должно осуществлять регулирование? Трансформация продемонстрировала примеры как успешного регулирования, так и его вырождения в виде коррупции и чрезмерного давления на новый бизнес (Frye, Shleifer (1997); Hellman, Jones, and Kaufmann (2003); McKinsey (1999)). В какой степени государство вообще должно бороться с беспорядком? Многие экономисты полагали, что государственные институты должны играть ограниченную роль, подчеркивая значение наведения порядка частным образом в качестве средства защиты прав собственности и выполнения контрактных обязательств (McMillan, Woodruff (1999); Johnson, McMillan, and Woodruff (2002); Allen, Qian, and Qian (2002); Murrell (2003)).

Другие вопросы были связаны с проблемой диктатуры. Например, является ли демократия наилучшей политической системой для осуществления экономических реформ? Является ли эффективной диктатура, если требуется проведение радикальных изменений? Экономический успех Китая в условиях коммунизма контрастировал с трудностями ельцинской демократии в России, вдохновляя сторонников однопартийной системы, в то время как успех демократий Центральной Европы говорил о противоположном. Продвигаются ли реформы успешнее в условиях демократии при разнородном или консолидированном правительстве? Многие экономисты полагали, что для реформирования больше подходит консолидированное правительство, но опять-таки здесь на практике наибольшего успеха достигли весьма разнород-

ные правительства стран Центральной Европы (Hellman (1998)). Желательна ли с точки зрения экономической трансформации федеративная структура? Китайские экономисты связывали успех реформ с федерализмом и вытекающей из него конкуренцией между регионами (Jin, Qian (1998); Roland (2000)); российские же ученые рассматривали федерализм и вытекающий из него конфликт между регионами и центром как основное препятствие на пути к стабильности (Shleifer, Treisman (2000); Blanchard, Shleifer (2001); Zhuravskaya (2000)).

Какие выводы можно сделать, исходя из этих вопросов? Во-первых, в важнейших дискуссиях о трансформации практически не затрагивались экономические проблемы провалов рынка и связанной с ними неэффективности. Все ключевые вопросы скорее касались прав собственности, а именно того, каким образом можно обеспечить надежную защиту прав собственности от государственной и частной экспроприации. Во-вторых, во всех этих вопросах присутствует такая общая черта, как выбор. С одной стороны, имеется цель осуществления контроля за беспорядком, что подталкивает к усилению государственного вмешательства. С другой стороны, имеется задача осуществления контроля за диктатурой, что требует ограничения государственной власти. В оставшейся части работы мы исследуем данную проблему выбора.

С этой целью мы предлагаем теоретический подход к анализу выбора между диктатурой и беспорядком и используем его применительно к проблеме общественного контроля за бизнесом. Мы утверждаем, что четыре широко распространенные стратегии осуществления такого контроля – наведение порядка частным образом, оспаривание в частном порядке посредством судебных разбирательств, регулирование и государственная собственность – могут рассматриваться как точки на границе институциональных возможностей, ранжированные с точки зрения увеличения власти государства. Данные стратегии связаны с постоянно убывающими общественными издержками беспорядка и постоянно возрастающими общественными издержками диктатуры. Мы используем этот подход для анализа эффективного институционального выбора и доказательства того, что он позволяет сделать полезные эмпирические прогнозы, а также дать рекомендации по проведению реформ.

Однако анализ эффективности институционального выбора – не единственный способ исследования данной проблемы. Основной причиной неэффективности институтов является их трансплантация посредством завоевания и колонизации других стран. Многие страны получили свои правовые системы в наследство. Институт, который в стране своего происхождения является результатом трудного выбора между диктатурой и беспорядком, после трансплантации может потерять эффективность. Подобный взгляд на колониальную трансплантацию может пролить свет на удивительную согласованность, с которой определенная страна регулирует различные виды деятельности, а также на некоторые институциональные патологии. Кроме того, как это длительное время считалось в марксистской литературе и литературе по теории общественного выбора, правительства выбирают политику и институты таким образом, чтобы они были им выгодны – с тем, чтобы остаться у власти

и стать богатыми. Поэтому неэффективность может также объясняться политикой институционального выбора.

Мы описываем наш теоретический подход в разделе 2 и иллюстрируем его в разделе 3. В разделе 4 внимание акцентируется на трансплантации институтов, а в разделе 5 – на политике. Раздел 6 является заключительным.

2. БАЗОВЫЙ ПОДХОД

Любое общество сталкивается с двумя основными угрозами, которыми являются беспорядок и диктатура. Под беспорядком мы понимаем риск для индивидов и их собственности частной экспроприации в форме убийства, воровства, нарушения соглашений, гражданских правонарушений, монопольного ценообразования и т. д. В рамках данного подхода беспорядок также проявляется в подчинении общественных институтов, таких как суды, частным интересам посредством взяток и угроз, что позволяет частным нарушителям избегать наказания. Под диктатурой мы понимаем риск для индивидов и их собственности экспроприации государством и его агентами в форме убийства, налогообложения, нарушения прав собственности и т. д. В рамках данного подхода диктатура также проявляется в экспроприации посредством – и не только посредством – государства, как в случае использования регулирующих мер, блокирующих вход конкурентов на рынок. Некоторые явления, такие как коррупция, являются проявлением как беспорядка, так и диктатуры: поскольку индивиды платят взятки, чтобы избежать наказаний за неадекватное поведение, коррупция – это проявление беспорядка, но поскольку должностные лица создают неадекватные правила, чтобы получать взятки от индивидов, стремящихся их обойти, то коррупция – это издержки диктатуры².

Институты служат для контроля за схожими опасностями диктатуры и беспорядка. Мы акцентируем внимание на фундаментальном выборе, неотъемлемом от подобного контроля: государство, обладающее достаточной властью, чтобы контролировать беспорядок, также обладает достаточной властью для злоупотребления диктатурой.

На рис. 1 – основном структурном элементе нашего анализа – изображено то, что мы называем границей институциональных возможностей общества или какого-либо его сектора. По оси x показаны общественные потери от более высокого уровня диктатуры (отображающие валовые объемы таких видов деятельности, как налогообложение и государственная экспроприация), измеренные относительно того уровня, который характерен для ситуации с идеальными правами собственности. По оси y показаны общественные потери от более высокого уровня беспорядка, измеренные аналогичным образом. Чтобы исследовать выбор между ними, мы выражаем издержки диктатуры и беспорядка в одинаковых единицах «общественных потерь». Граница отра-

² Наше понимание диктатуры и беспорядка заимствовано из работ, посвященных поиску ренты и коррупции (Tullock (1967); Posner (1974); Shleifer, Vishny (1993); Ades, Di Tella (1997)).

жает институциональные возможности общества, то есть показывает, насколько можно уменьшить беспорядок при некотором небольшом увеличении власти государства. Как и в любой стандартной неоклассической модели, граница институциональных возможностей является выпуклой по отношению к началу координат. В рамках нашего теоретического подхода определенный институт – такой как правовая система или система регулирования – представляет собой точку на границе институциональных возможностей.

*Общественные потери
вследствие частной
экспроприации (беспорядок)*

Рис. 1. Институциональные возможности

Рассматривая институты, экономисты обычно проводят различие между писаными правилами и механизмами их закрепления. В рамках нашего подхода это разделение исчезает: правило возникает вместе с характеристиками механизмов закрепления, отраженными в равновесном сочетании диктатуры и беспорядка, обусловленном использованием данного правила. Если в России монополии регулируются антимонопольным ведомством, то определенный провал рынка все же будет иметь место – равновесный беспорядок, обусловленный потерями от монополистов, фактически ускользающих от закона и использующих свою рыночную власть, а также от их взяток лицам, осуществляющим регулирование, за то, что они позволяют им делать это. Также будет иметь место определенное злоупотребление государственным регулированием.

ем частного сектора – равновесная диктатура, обусловленная использованием монополистами регулирующего органа для ограничения входа конкурентов на рынок, а также подкупом немонополистами должностных лиц в обмен на согласие, что они не станут их беспокоить.

Изображенная на рис. 1 линия с отрицательным наклоном в 45° отражает постоянные совокупные общественные издержки диктатуры и беспорядка. Точка ее касания с границей институциональных возможностей является эффективным институциональным выбором для данного общества или какого-либо его сектора. В большей части нашей дискуссии мы акцентируем внимание на эффективном институциональном выборе при заданной границе институциональных возможностей. Эффективные институты могут возникнуть под давлением демократии (Wittman (1989)), под влиянием групп с особыми интересами, заинтересованных в экономическом росте, таких как купцы (De Long, Shleifer (1993)), в результате коузовских переговоров между членами элиты, подобных тем, которые привели к принятию Великой хартии вольностей* или американской Конституции (Becker (1983)), или в рамках долгосрочного эволюционного процесса, описанного Хайеком (Hayek (1960)). Рассмотрение эффективного институционального выбора не означает, что, находясь в состоянии равновесия, общество полностью устраняет проблемы диктатуры и беспорядка. Это не так. Согласно Коузу, даже в рамках наиболее эффективной институциональной структуры сохраняется определенный уровень диктатуры и беспорядка (Coase (1960)).

Наклон и положение границы институциональных возможностей – а следовательно, и эффективный выбор – отличаются для разных видов деятельности в рамках определенного общества, а также для разных обществ³. Деятельность, предполагающая повторяющиеся взаимодействия между субъектами, располагающими приблизительно одинаковыми ресурсами, в условиях незначительных технологических изменений, такая как торговля алмазами,

* Великая хартия вольностей (Magna Carta Libertatum) – скрепленный печатью английского короля Иоанна Безземельного документ, гарантировавший его подданным определенные привилегии и права. Группа восставших баронов вынудила короля принять Великую хартию 15 июня 1215 г. на лугу Раннимед возле Лондона. Документ составлен на латыни, включает преамбулу и 63 статьи и содержит гарантии тех привилегий и свобод, которые составили фундамент британской системы управления. – *Прим. пер.*

³ В эмпирических исследованиях экономического роста положение границы институциональных возможностей и выбор точки на ней обычно рассматриваются вместе под заголовком «институты», но для нас важно проводить между ними различие. В этих эмпирических исследованиях «институты» измеряются с помощью множества объективных и субъективных оценок качества институциональной среды определенной страны, таких как закон и порядок, риск государственной экспроприации, верховенство закона, коррупция, эффективность судебной системы или некоторой комбинации указанных переменных (Easterly, Levine (1997; 2003); Hall, Jones (1999); Kaufmann, Kraay, and Zoido-Lobaton (2002)). Данные переменные тесно коррелируют друг с другом и, кроме того, хорошо объясняют доход на душу населения, экономический рост и многие другие «позитивные» результаты функционирования экономики, однако не совсем понятно, что они концептуально измеряют.

может привести к достижению порядка при небольшом уровне диктатуры (Bernstein (1992)). В противоположность этому, такая деятельность, как выпуск в обращение ценных бумаг, предполагающая весьма неравномерное распределение власти среди игроков и мало повторяющиеся взаимодействия, подвержена опасности возникновения намного большего беспорядка при данном уровне контроля.

При рассмотрении обществ различия принимают еще большие размеры. Институциональные возможности современной Швеции или даже Китая намного превосходят возможности Албании или Конго. Швеция может проводить крайнюю политику *laissez-faire* или играть в социализм и, несмотря на это, достигать приличных результатов. Албания может достичь совершенного баланса между диктатурой и беспорядком на границе своих институциональных возможностей, но права собственности при этом останутся незащищенными. За отсутствием лучшего термина, мы называем положение границы институциональных возможностей «гражданским капиталом», подразумевая, что общества, в которых такой капитал больше, а граница институциональных возможностей расположена ближе к началу координат, способны обеспечивать более тесную кооперацию между своими членами. Мы используем термин «гражданский капитал», а не «общественный капитал», поскольку полагаем, что последний имеет схожее, но более широкое значение. Мы остановились на идее с капиталом вследствие того, что инвестиции в гражданский капитал дают выигрывать в среднесрочной перспективе.

Современные исторические исследования достигли прогресса в понимании детерминантов гражданского капитала. В работе Landes (1998) продолжается великая традиция подчеркивать значение культуры. В работах Easterly, Levine (1997) и Alesina, Baqir, and Easterly (1999) показывается, как этническая разнородность и вытекающие из нее этнические конфликты ведут к снижению качества институциональной среды. В работах Diamond (1997) и Engerman, Sokoloff (1997; 2002) подчеркивается роль запасов производственных факторов и природной среды при выяснении – и ограничении – институциональных возможностей определенного общества. Например, природная среда в Латинской Америке, в отличие от Северной Америки, наиболее благоприятствовала развитию крупномасштабного сельскохозяйственного производства, которое вело к значительному экономическому и социальному неравенству, оказывая отрицательное воздействие на институты данного региона в течение длительного периода времени. Ачемоглу, Джонсон и Робинсон утверждают, что характер поселений и их институциональные особенности определялись уровнем смертности среди европейских поселенцев (Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001)). Согласно Путнаму, длительная история кооперации в рамках определенного сообщества – его общественный капитал – определяет способность его членов сотрудничать при производстве общественных благ (Putnam (1993)).

Но существуют и некоторые другие, более прозаичные, детерминанты гражданского капитала. Так, имеет значение технология производства. При увеличении масштабов производства и скорости взаимодействия индивидов

возможности частной экспроприации расширяются, что ведет к сдвигу границы институциональных возможностей вправо. Технология государственного подавления – эффективность сбора налогов и монополии на власть – воздействует как на положение, так и на наклон границы институциональных возможностей, поскольку определяет, какой уровень диктатуры необходим для уменьшения беспорядка в среднем и предельном случаях. И последний, но, тем не менее, важный детерминант: непосредственно сам уровень человеческого капитала общества определяет положение границы институциональных возможностей, поскольку более образованные и информированные люди с большей вероятностью могут решать проблемы, не прибегая к насилию.

По общему признанию, концепция гражданского капитала является несколько расплывчатой, но, тем не менее, некоторые ее аспекты получили оценку. Мы уже упоминали оценку исторического влияния, которое во многих случаях предопределяет политический выбор. Другие аспекты гражданского капитала, такие как человеческий капитал, технология или неравенство, могут подвергнуться изменению в среднесрочном периоде посредством осуществления государственных инвестиций или такого широкомасштабного вмешательства, как земельная реформа. Однако применительно ко многим реформам, на которых акцентируют внимание экономисты, включая общественный контроль за бизнесом, положение границы институциональных возможностей в краткосрочном периоде является неизменным. При анализе подобных реформ гражданский капитал является ограничением, а не выбором.

Чтобы конкретизировать анализ границы институциональных возможностей и институционального выбора, рассмотрим проблему общественного контроля за бизнесом. Предположим, что «общество» желает уменьшить беспорядок, обусловленный монопольным ценообразованием, гражданскими правонарушениями, грабительской политикой и т. д. Имеется четыре различные стратегии осуществления такого контроля, по мере реализации которых власть должностных лиц увеличивается по сравнению со властью частных индивидов: рыночная дисциплина, судебные иски, подаваемые в частном порядке, общественное принуждение посредством регулирования и государственная собственность. На рис. 1 они изображены как точки на границе институциональных возможностей. Данные четыре стратегии не являются взаимоисключающими: конкуренция и регулирование зачастую присутствуют на одном и том же рынке, так же, как частные судебные разбирательства и общественное регулирование. Кроме того, доступны и промежуточные стратегии общественного контроля за бизнесом, такие как судебные разбирательства в частном порядке с целью обеспечения выполнения установленных государством правил. Тем не менее указанные четыре стратегии представляют полезную для аналитических целей классификацию.

Для иллюстрации этих категорий рассмотрим в качестве примера общественный контроль за выпуском ценных бумаг. Предположим, что общество – посредством своих институтов – заинтересовано в том, чтобы иметь большой и ликвидный рынок ценных бумаг, и для этого считает необходимым, чтобы

фирмы, выпускающие акции, предоставляли точную информацию о своем финансовом положении. У общества есть четыре варианта выбора.

Во-первых, оно может положиться на стимулы самих эмитентов или их андеррайтеров предоставлять правдивую информацию о ценных бумагах, поскольку для дальнейшего увеличения капитала им необходима репутация надежного субъекта. Это – решение с помощью рыночной дисциплины.

Во-вторых, общество может положиться на частные иски со стороны покупателей ценных бумаг, полагающих, что эмитенты их обманули, в рамках общих доктрин контракта или гражданского правонарушения. Для этого обществу необходимы суд и судья. Суд должен выяснить, предоставил ли эмитент неверную информацию сознательно или по причине халатности.

В-третьих, общество может учредить орган государственного регулирования, уполномоченный определять, какая информация требуется от эмитентов ценных бумаг, осуществлять проверку бухгалтерской отчетности и предоставленной информации, а также наказывать эмитентов и андеррайтеров, нарушающих установленные правила. Промежуточным вариантом между судебными разбирательствами в частном порядке и широкомасштабным регулированием является следующий: регулирующее ведомство определяет правила выпуска ценных бумаг, но выполнение связанных с ними обязательств обеспечивается посредством частных судебных исков со стороны обманутых инвесторов.

В-четвертых, общество может национализировать процесс выпуска ценных бумаг. Компания, желающая увеличить свой капитал, будет передавать право проверки, предоставления информации и продажи ценных бумаг государству. Это и есть четыре основные институциональные стратегии обеспечения надлежащего поведения.

Указанные четыре основные стратегии различаются в зависимости от степени политического контроля. При наличии конкуренции и наведении порядка частным образом государственное вмешательство, как правило, отсутствует. При наличии судов определенную роль играют беспристрастные судьи, обеспечивающие выполнение правил надлежащего поведения. При этом нет необходимости, чтобы эти правила устанавливались в законодательном порядке, вместо этого их источником может быть обычное или разработанное судьями общее право. Тем не менее существует государственный агент – судья – обладающий определенной степенью власти в области принятия решений. При наличии органов регулирования контроль государства резко увеличивается. Теперь государство устанавливает правила, осуществляет контроль за качеством продукции, прежде чем она поступает в продажу, и, возможно, наказывает продавцов за обеспечение плохой продукцией. По сравнению с судебной системой сфера и степень централизации деятельности государства значительно увеличиваются. И, наконец, в случае государственной собственности государство осуществляет полный контроль за определенной деятельностью.

С точки зрения выбора между диктатурой и беспорядком принципиальным преимуществом рыночной дисциплины как способа обеспечения надлежащего поведения является отсутствие принуждения со стороны государства. Возможности политизации правил поведения, коррупции, дорогостоящего или

отсроченного обеспечения соблюдения правил, случайного или компромиссного выбора одного конкурента в ущерб другому попросту отсутствуют. Но зачастую рыночная дисциплина оказывается не в состоянии контролировать беспорядок. Субъекты рынка используют свои экономические, политические или общественные ресурсы с тем, чтобы нанести ущерб потребителям и конкурентам, опираясь на различные методы, начиная с обмана и заканчивая грабительским и монопольным ценообразованием, выдворением из страны, открытым воровством и насилием. Мирное наведение порядка частным образом, осуществляемое одним индивидом, оборачивается смертью другого, если осуществляется руками мафии. Когда рыночная дисциплина успешно контролирует беспорядок и препятствует возникновению анархии по Гоббсу, то это происходит вследствие того, что она обеспечивает минимизацию общественных издержек диктатуры. Как следствие, любое оправдание государственного вмешательства базируется главным образом на предполагаемой невозможности контролировать беспорядок с помощью рыночной дисциплины.

Существует множество примеров эффективности наведения порядка частным образом и посредством рыночной дисциплины. Соседи разрешают споры между собой, поскольку вынуждены жить друг с другом на протяжении длительного периода времени (Ellickson (1991)). Отрасли создают ассоциации, гарантирующие качество продукции для потребителей и наказывающие мошенников среди своих членов, с тем, чтобы потребители продолжали оставаться клиентами данной отрасли (Greif (1989; 1993; 1994); Bernstein (1992)). Семьи, города и этнические группы поддерживают репутацию на рынке и наказывают своих членов за угрожающее репутации неадекватное поведение. В той степени, в какой рыночная дисциплина может контролировать беспорядок, нет необходимости в государственном регулировании и даже в судебной системе.

Но так происходит далеко не всегда. Давление рынка может и не привести к уничтожению всех монополий. Работодатели могут инвестировать недостаточно средств на цели обеспечения безопасности, а затем обвинить получивших травму работников в собственной халатности, приведшей к несчастному случаю (Fishback, Kantor (2000)). Выпуск акций обманным путем может очень быстро лишить инвесторов денег, что подорвет доверие к рынку и приведет к изъятию денег. В подобных случаях, чтобы контролировать беспорядок, общества вполне могут согласиться на более высокий уровень государственного вмешательства и диктатуры.

Традиционная реакция либертарианцев на эти проблемы заключается в том, чтобы подняться на один уровень ближе к диктатуре и обеспечить надлежащее поведение посредством судебных разбирательств в отношении контрактов и гражданских правонарушений в частном порядке. Получившие травму работники могут предъявить иск работодателям с целью возмещения ущерба. Инвесторы могут привлечь к суду эмитентов и андеррайтеров за понесенные потери, если считают, что информация о ценных бумагах была сфальсифицированной или неполной. В идеале судья быстро определит, был ли инвестор

введен в заблуждение, и принудит эмитента компенсировать инвесторам убытки. Подобные судебные разбирательства в отношении контрактов и гражданских правонарушений рассматриваются либертарианцами как достаточная гарантия безопасности прав собственности.

Частное судебное разбирательство имеет много преимуществ. В принципе, оно не представляет особого интереса для правительства, и, следовательно, споры могут разрешаться без вмешательства со стороны влиятельных лиц. Кроме того, судьи могут совершенствовать свои знания в области обеспечения выполнения контрактов (а также гражданских правонарушений) и, следовательно, решать эти проблемы быстро и эффективно. Именно это имели в виду Коуз (Coase (1960)), Нозик (Nozick (1974)) и Познер (Posner (1995)), отдавая предпочтение судам.

К сожалению, на практике судебное разбирательство не столь совершенно, так что выбор между диктатурой и беспорядком оказывается также полезным и при рассмотрении судов. Как и в случае наведения порядка частным образом, зачастую в суды пробивают себе дорогу влиятельные и не всегда справедливые лица (Galanter (1974)). Некоторые механизмы воздействия на суды, такие как найм хороших адвокатов, отсрочка разбирательства и (в некоторых случаях) обращение за помощью к политикам, являются абсолютно легальными. Но существует также и подкуп судей с помощью наличных денег, подарков или обещаний повысить в должности; им также угрожают применением силы, если они не оказывают поддержку сильным мира сего (Dal Bo, Dal Bo, and Di Tella (2002)). Когда богатые и связанные с политикой лица оказывают воздействие на правосудие, то общество не может полагаться на судебные разбирательства в отношении контрактов и гражданских правонарушений как обеспечивающие социально приемлемое поведение (Glaeser, Scheinkman, and Shleifer (2003)).

Широко распространенным способом защиты судей от подобного воздействия является формализация законов и судебных процедур посредством принятия кодексов с целью минимизации судебного произвола и возможностей подчинения судей частным интересам. Такие стратегии можно рассматривать как движение вдоль границы институциональных возможностей, поскольку они ведут к уменьшению беспорядка, но предоставляют при этом государству больше прав по осуществлению контроля за результатами судебных разбирательств. Связанный с этим механизм ограничения возможностей подчинения судей частным интересам заключается в том, чтобы сделать их государственными служащими, чьи карьерные перспективы защищали бы от соблазна уступить влиянию извне. Но поскольку судьи становятся более зависимыми от государства, возрастает риск политизации их решений, а также общественные издержки диктатуры.

Это подводит нас к третьей стратегии обеспечения надлежащего поведения – государственному регулированию. Регулирование является анафемой для либертарианцев, таких как Нозик (Nozick (1974)), которые видят резкий контраст между обеспечением соблюдения правил судьями и регулируемыми органами. Но переход к более высокому уровню диктатуры на практике происходит постепенно. Не существует значительных концептуальных отли-

чий между судебными разбирательствами и государственным регулированием. Либертарианцы упускают из виду вывод Коуза о том, что оптимальный институциональный выбор определяется издержками обеспечения соблюдения правил (Coase (1960)).

Чтобы сделать более четкой последовательность рассуждений, отметим, что, помимо исключительно государственного обеспечения соблюдения правил, существует важная промежуточная стратегия, а именно обеспечение соблюдения установленных государством правил в частном порядке. Государство устанавливает правила, определяющие частное поведение, но их соблюдение обеспечивается посредством частных судебных разбирательств. Обеспечение выполнения подобных специфических правил посредством частных судебных разбирательств зачастую обходится значительно дешевле, чем обеспечение выполнения контрактов или рассмотрение гражданских правонарушений. Например, для правительства может оказаться эффективным определить соответствующие стандарты безопасности, но позволить при этом рабочим или потребителям подавать иски в суд в случае, если они считают, что данные стандарты нарушаются. Аналогичным образом, правительство может обязать компании, выпускающие акции, предоставлять определенную информацию, но оставить право на судебные разбирательства инвесторам. Для инвесторов может оказаться дешевле установить, что компания не предоставила определенную информацию, наличие которой требовалось по закону, чем доказать халатность эмитента в отсутствие соответствующего законодательства.

Обеспечение выполнения установленных государством правил в частном порядке наталкивается на ряд проблем беспорядка, присущих судебному разбирательству как таковому. Во-первых, нагрузка на суды и истцов по доказательству ответственности (или ее отсутствия) значительно уменьшается, если в законодательстве четко указано, в каких случаях подобная ответственность наступает. Во-вторых, подчинение судей частным интересам значительно затрудняется, если их полномочия ограничены. Внушить судье – путем убеждения или подкупа – что эмитент ценных бумаг, скрывший важную информацию от инвесторов, невиновен, может быть относительно легко, если не существует никаких особых правил относительно того, какая информация должна предоставляться. Намного труднее уверить того же судью, если необходимая информация четко указана в законе. Возможно, именно по этим причинам обеспечение выполнения установленных государством правил в частном порядке в некоторых ситуациях является весьма эффективной стратегией обеспечения надлежащего поведения (Black, Kraakman (1996); Hay, Shleifer (1998); Hay, Shleifer, and Vishny (1996))⁴.

⁴ Ла Порта, Лопес-де-Силанес и Шляйфер показывают, что во многих странах это является ключевой стратегией обеспечения надлежащего поведения при выпуске ценных бумаг (La Porta, Lopez-de-Silanes, and Shleifer (2002b)). Барг, Каприо и Ливайн показывают, что обеспечение выполнения установленных государством правил, касающихся предоставления информации, в частном порядке является ключевой стратегией банковского надзора (Barth, Caprio, and Levine (2003)).

В то же время создание правил государством – даже если обеспечение их соблюдения происходит в частном порядке – повышает риск возникновения диктатуры. Подобные правила могут использоваться для экспроприации у политически слабых лиц в пользу политически сильных. Обязательные требования обеспечения безопасности на фабриках, шахтах и мясоперерабатывающих предприятиях, введенные в США в прогрессивную эпоху начала XX в.^{*}, иногда интерпретируются как попытка крупных фирм ограничить вход на рынок более мелких фирм-конкурентов путем повышения издержек на достижение соответствия этим требованиям (Libecap (1992); Coppin, High (1999)).

По сравнению с рассмотренными выше стратегиями обеспечения соблюдения правил государственное регулирование имеет ряд преимуществ при контроле за беспорядком. Во-первых, в отличие от судей, лица, осуществляющие государственное регулирование, могут быть специалистами в определенных областях, заинтересованными в достижении общественных целей. Фактически, это было основным аргументом в пользу государственного регулирования рынков ценных бумаг (Landis (1938); Glaeser, Johnson, and Shleifer (2001)). Например, лицо, осуществляющее регулирование, может стать экспертом в области выявления наиболее существенных просчетов при эмиссии ценных бумаг, устанавливая определенные правила для субъектов рынка и обеспечивая их дальнейшее соблюдение путем применения соответствующих санкций или убеждения судов в необходимости принятия этих правил. Во-вторых, в той степени, в какой лица, осуществляющие регулирование, уполномочены придать законодательству законченный вид, они могут обладать преимуществом в обеспечении его соблюдения по сравнению с судьями за счет превентивных действий (Pistor, Xu (2002)). В-третьих, поскольку суверены могут предоставить лицам, осуществляющим регулирование, стимулы обеспечивать проведение государственной политики, то их в принципе может оказаться намного труднее подчинить путем убеждения или подкупа, чем незаинтересованных судей (Glaeser, Shleifer (2003)). Эти отличия делают государственное обеспечение соблюдения правил в некоторых ситуациях более эффективным, чем обеспечение их соблюдения в частном порядке.

Увы, но существуют очевидные проблемы, связанные с государственным регулированием, ключевой из которых является злоупотребление официальными лицами, преследующими собственные политические интересы или попавшими под влияние определенной группы, в том числе непосредственно регулируемой отрасли, в отношении субъектов рынка (Stigler (1971)). Несмотря на то что подчинить заинтересованных лиц, осуществляющих регулирова-

* Прогрессивной эпохой США называют период с 1890 г. до начала Первой мировой войны. Движение за реформы, названное «прогрессивизмом», возникло как реакция на крайности капитализма XIX в. и коррупцию в политике. Реформаторы-прогрессивисты ставили такие цели, как укрепление демократии и социальной справедливости, создание честного правительства, обеспечение более эффективного регулирования бизнеса и возрождение идеалов служения на общественном поприще. В целом они верили, что расширение сферы деятельности правительства обеспечит развитие американского общества и повышение благосостояния всех жителей страны. – *Прим. пер.*

ние, может быть намного труднее, чем судей, регулируемые отрасли разработали ряд способов превращения регулирования в механизм защиты собственной ренты, а не благосостояния общества. Очевидно, что риск возникновения диктатуры в этом случае увеличивается, тогда как риск возникновения беспорядка уменьшается.

Основной вывод, вытекающий из нашей теории, заключается в том, что регулирование необходимо только тогда, когда уровень беспорядка является слишком высоким, так что успешно бороться с ним посредством наведения порядка частным образом и даже судебной системы невозможно. Необходимость регулирования наиболее очевидна при наличии весьма острой проблемы неравенства сил задействованных в сделке частных сторон. Одним из примеров является выпуск ценных бумаг; другим примером, возможно, является безопасность рабочих мест. В отличие от этого, вход на конкурентные рынки новых фирм вряд ли нуждается в регулировании (De Soto (1989); Djankov et al. (2002)). Аналогичным образом, если исходить из соображений эффективности, трудно найти оправдание большинству случаев регулирования конкурентных рынков (Botero et al. (2002)).

И, наконец, в некоторых ситуациях устранить беспорядок может не что иное, как государственная собственность. Если монопольную власть нельзя ограничить посредством конкуренции или регулирования, если качество продукции имеет большое значение, но может быть обеспечено только с помощью тотального государственного контроля, если существует угроза общественной безопасности – тогда имеются веские основания для государственной собственности. Харт, Шляйфер и Вишны утверждают, что тюрьмы должны находиться в государственной, а не частной собственности, поскольку слишком высок риск того, что частные тюремные надзиратели будут плохо обращаться с заключенными (Hart, Shleifer, and Vishny (1997)). Это объясняется тем, что заключенные имеют мало прав и не могут рассчитывать на защиту посредством рынка, судебной системы или даже лиц, осуществляющих регулирование. Аналогичным образом, под контролем государства должны находиться вооруженные силы и полиция, поскольку слишком высока вероятность возникновения беспорядка в результате частного контроля. Необходимость «монополии государства на оружие» – лишь малая часть той особой области, где конфликт между диктатурой и беспорядком разрешается посредством крайних мер.

Несмотря на то что в некоторых ситуациях необходимость государственной собственности как средства борьбы с беспорядком выглядит обоснованной, совершенно очевидно, что она порождает проблему диктатуры, наглядным примером чего являются весьма скромные результаты функционирования государственных предприятий и выгоды от их приватизации (Lopez-de-Silanes (1997); Megginson, Netter (2001); Djankov, Murrell (2002)). Провал государственного социализма как экономической системы наиболее четко отражает последствия доведенной до крайности диктатуры, при которой все экономические проблемы решаются таким образом, чтобы сохранить политический контроль коммунистической партии (Kornai (1992)).

Таким образом, представленный на рис. 1 теоретический подход позволяет нам построить стройную систему рассуждений об альтернативных формах общественного контроля за бизнесом. Следовательно, он может оказаться полезным при исследовании проблемы эффективного институционального выбора. В следующем разделе мы применим данную модель при рассмотрении трех примеров создания институтов. В последующих двух разделах мы на время отказываемся от предположения об эффективности и исследуем альтернативные взгляды на институциональный выбор.

3. ПРИМЕНЕНИЕ

Мы рассматриваем три примера использования нашего базового теоретического подхода: различие в выборе правовых систем между Францией и Англией в XII–XIII вв., возникновение государственного регулирования в прогрессивную эпоху США и посткоммунистический переходный период. Во всех трех примерах мы акцентируем внимание на эффективном институциональном выборе при заданных институциональных возможностях страны.

3.1. Правовые истоки

В XII–XIII вв. в Англии и Франции были заложены основы современных правовых систем этих стран. Данные системы оказались совершенно разными. В Англии была создана система общего права, для которой характерны разбирательство, осуществляемое присяжными заседателями и относительно независимыми судьями, редкие апелляции и опора в принятии судебных решений на прецеденты и судебную практику, а не на строгие кодексы. Во Франции, согласно римской традиции, была принята система гражданского права, характеризующаяся разбирательством со стороны государственных судей, автоматическим рассмотрением решений вышестоящими судебными инстанциями, а позднее – опорой на процессуальные и материально-правовые кодексы, а не на широкие полномочия судей. Спустя столетия некоторые из этих различий между двумя правовыми системами исчезли, другие стали более ярко выраженными, но основные сохранились и по сей день.

Почему возникли различия между двумя правовыми системами? Глэзер и Шляйфер утверждают, что ключевой характеристикой любой правовой системы является возможность ее подчинения интересам органов власти (беспорядок) (Glaeser, Shleifer (2002)). Чем больше давление на суды с тем, чтобы решения принимались в пользу сильных мира сего, а не по справедливости, тем большая централизация (диктатура) требуется для противодействия этому давлению. С другой стороны, сильная централизация ведет к увеличению издержек диктатуры: суверены правят, ориентируясь на собственные предпочтения и предубеждения, а не на общепринятые стандарты или законы, которым следуют присяжные заседатели.

В XII–XIII вв. Франция была относительно децентрализованной и неорганизованной страной, в которой местная аристократия могла успешно подчинять собственным интересам все местные институты. В противоположность ей, Англия была относительно мирной страной, полностью находившейся под контролем короля. Поэтому для преодоления беспорядка во Франции оказалось эффективным принять правовую систему с большей степенью диктатуры, чем в Англии, пусть даже ценой предоставления суверену возможности более широкомасштабных злоупотреблений законом.

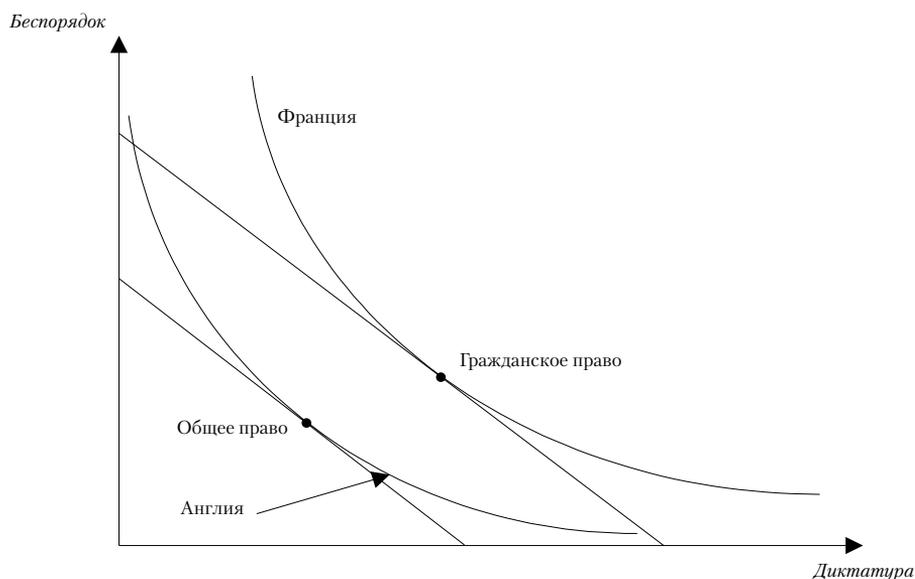

Рис. 2. Правовые истоки

Рис. 2 иллюстрирует соответствующий выбор. Мы рассматриваем границу институциональных возможностей Франции как сдвиг вправо границы институциональных возможностей Англии, приведший к тому, что незначительное увеличение диктатуры оказалось весьма продуктивным с точки зрения снижения беспорядка. Эффективным выбором для Франции была правовая система с более высоким уровнем диктатуры. В состоянии равновесия Франция имела также и более высокий уровень беспорядка, отражающий тот факт, что ее институциональные возможности были менее привлекательными. Более того, Глэзер и Шляйфер показывают, что неотъемлемыми аспектами данного выбора более сильной централизации и диктатуры с целью решения проблемы беспорядка являются наличие государственных судей, нежелание опираться на независимых присяжных заседателей, кодификация правил и судебных процедур и почти автоматические апелляции (Glaeser, Shleifer (2002)).

3.2. Возникновение государственного регулирования

До 1900 г. крупные коммерческие споры в Соединенных Штатах, как правило, разрешались посредством частных судебных разбирательств в отношении контрактов и гражданских правонарушений. Суды руководствовались правилами корпоративной ответственности при несчастных случаях на производстве, антиконкурентной практики, такой как скидки на железнодорожные перевозки, безопасности продуктов питания и медикаментов и даже соответствием Конституции подоходного налога. В период между 1887 г., когда Конгресс принял Закон о торговле между штатами, и 1917 г., когда участие в войне положило конец прогрессивному движению, ситуация радикально изменилась. Более 30 лет реформаторы разрушали веру XIX в. в то, что единственной адекватной реакцией на общественные правонарушения является частное судебное разбирательство. В течение прогрессивной эпохи органы государственного регулирования, как на уровне штатов, так и на федеральном уровне, брали под общественный контроль конкуренцию, антитрестовскую политику, ценообразование на железнодорожные перевозки, безопасность продуктов питания и медикаментов, безопасность рабочих мест и многие другие области. В Соединенных Штатах возникло государственное регулирование.

Глэзер и Шляйфер интерпретируют этот опыт с использованием модели, напрямую связанной с нашим теоретическим подходом (Glaser, Shleifer (2003)). Они утверждают, что до Гражданской войны Соединенные Штаты являлись относительно стабильной страной, в которой потенциальные истцы были относительно равны, в результате чего частное судебное разбирательство стало эффективной стратегией общественного контроля за бизнесом (рис. 3). Однако массовая индустриализация и коммерциализация американской экономики после Гражданской войны значительно подорвали репутацию судов как единственного института, обеспечивающего защиту прав собственности. Возникновение железных дорог и крупных фирм привело к существенному увеличению беспорядка: данные фирмы причиняли телесные повреждения пассажирам и рабочим, уничтожали конкурентов посредством агрессивной и, по-видимому, расточительной политики, временами отравляли и вводили в заблуждение потребителей и т. д. Увеличение беспорядка вследствие роста размеров предприятий и неравенства распределения богатства обусловило сдвиг границы институциональных возможностей страны вправо, сделав существующую систему частного разрешения споров неэффективной. Бароны-разбойники* контролировали экономические и политические ресурсы, что не позволяло выиграть дело обращающимся с жалобами в суд потребителям, рабочим или конкурентам. Это делалось как легально – путем найма лучших адвокатов, так и нелегально – путем дачи взяток судьям и законодателям. Рис. 3 иллюстрирует изменения, произошедшие в американской экономике после Гражданской войны, а также реформу системы регули-

* Американские капиталисты XIX в. – Прим. пер.

рования. Технологические изменения сдвинули границу институциональных возможностей вправо и, кроме того, сделали ее более крутой, так что определенное увеличение диктатуры вело к усилению беспорядка. В условиях новых и относительно мягких мер регулирования и подчинения судов интересам государства предельная величина регулирования стала высоко продуктивной. Однако, как показано на рис. 3, эффективный институциональный выбор в американской экономике в ответ на сдвиг границы институциональных возможностей потребовал усиления регулирования с целью противодействия крупному бизнесу.

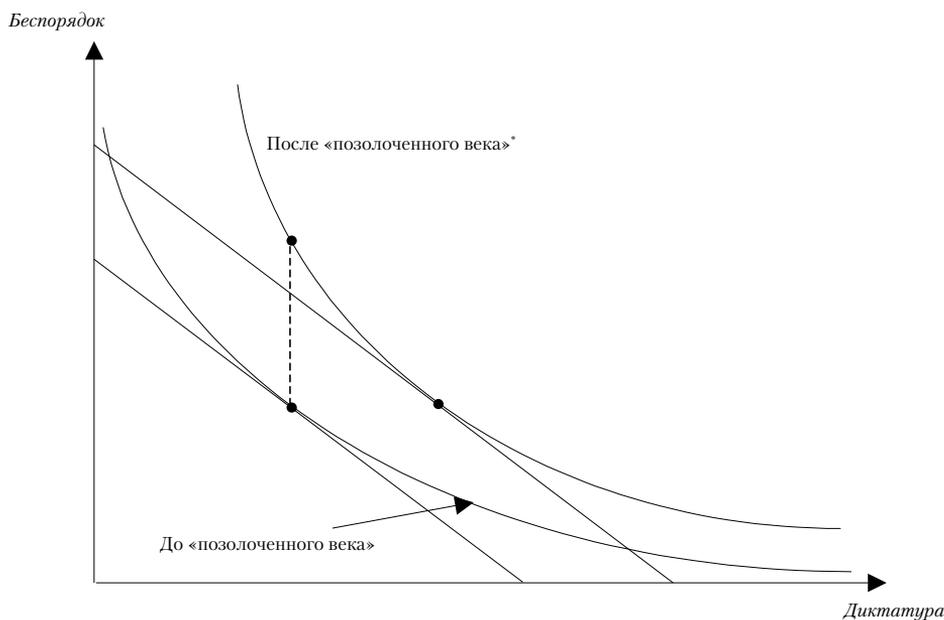

Рис. 3. Прогрессивные реформы

В новой работе Глэзера и Шляйфера (Glaeser, Shleifer (2003)) усиление регулирования, рассмотрение судами установленных правил, а не контрактов и гражданских правонарушений, а также многие другие реформы в экономике США в прогрессивную эпоху интерпретируются как аналогичный сдвиг в сторону новой, более эффективной системы общественного контроля за бизнесом. В состоянии равновесия беспорядок вполне мог увеличиться по сравнению с серединой XIX в. — это само по себе не предполагает, что прогрессивные реформы были неэффективными. Диктатура, как отмечали Стиглер (Stigler (1971)) и его последователи, также усилилась. Укрепление власти го-

* «Позолоченный век» — период 1870–1898 гг. Так Марком Твенем был назван период бурного экономического роста в США, сопровождавшийся разгулом коррупции и попранием демократических принципов. «Позолоченный век» сменила прогрессивная эпоха США (см. выше). — *Прим. пер.*

сударства обусловило увеличение выигрышей от его захвата, что привело к росту числа случаев подобного захвата в ситуации равновесия. Тем не менее реформы переместили экономику США в лучшее положение по сравнению с тем, в котором страна находилась в 1880 г., о чем говорят факты, свидетельствующие об экономическом и социальном прогрессе в период реформ.

3.3. Институты в период трансформации

По меньшей мере некоторые аспекты перехода стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза от социализма к капитализму могут быть интерпретированы с использованием нашего теоретического подхода. Ключевой – хотя зачастую недостаточно акцентируемый – аспект трансформации заключается в крушении коммунизма и, как следствие, резком ослаблении диктатуры в большей части региона. На рис. 4 представлена наша точка зрения относительно России, стран Восточной Европы и нереформированных стран бывшего Советского Союза (в качестве примера взята Беларусь) в первые несколько лет трансформации. Россия отличается от нереформированных стран бывшего Советского Союза, с одной стороны, и осуществивших реформы стран Восточной Европы – с другой, по двум ключевым аспектам. Во-первых, в России, по сравнению с такими странами, как Беларусь и Узбекистан, произошло намного более значительное ослабление диктатуры и, в соответствии с нашей моделью, увеличение беспорядка. Во-вторых, граница институциональных возможностей России, вероятно, является менее привлекательной, чем граница стран Восточной Европы; кроме того, Россия более активно перемещалась вдоль границы своих институциональных возможностей.

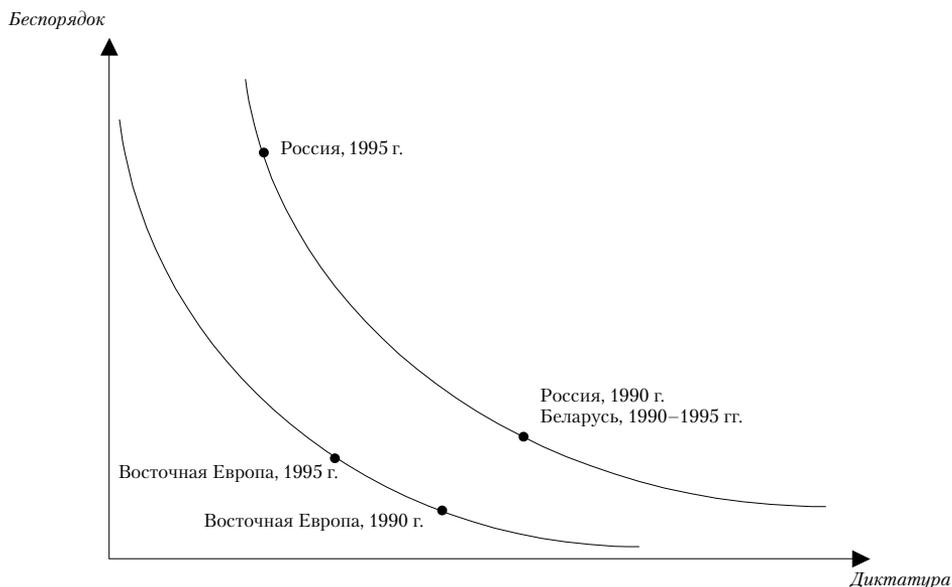

Рис. 4. Переход от социализма к капитализму

Согласно Корнаи, ключевым механизмом поддержания экономического, политического и общественного порядка в социалистических странах является коммунистическая партия (Kornai (1992)). Подобная политика порядка осуществляется в ущерб личным, экономическим и политическим свободам и, тем самым, ведет к огромным человеческим потерям, но, тем не менее, способствует достижению порядка. Поскольку Горбачев и Ельцин отменили контроль коммунистов за российской экономикой и обществом, одновременно были ликвидированы механизмы обеспечения порядка. В одинаковой степени были очевидны и непосредственные выгоды от беспорядка – свобода прессы, рост предпринимательства, чрезвычайное усиление связей с остальным миром – и связанные с этим издержки. Первоначальным следствием крушения диктатуры была крайняя степень экономической дезорганизации (Murrell (1992); Murphy, Shleifer, and Vishny (1992); Blanchard, Kremer (1997)), но даже после того, как рынки начали работать, наблюдалось ярко выраженное отсутствие закона и порядка. Теневая экономика достигала почти 40% ВВП (Johnson, Kaufmann, and Shleifer (1997)). Влиятельные группы подчиняли зарождающиеся государственные институты посредством преступлений, коррупции и политического давления (Shleifer (1997); Hellman, Jones, and Kaufmann (2003); Sonin (2003)). Самым же важным стало то, что после развала СССР Россия, подобно США в период до принятия Конституции и современной Аргентине, сама столкнулась с серьезными проблемами преобладания местных интересов региональных органов власти, подрывающими основы не только государственных финансов, но и законности и порядка (Shleifer, Treisman (2000); Zhuravskaya (2000)). Рыночная трансформация России вполне может быть описана как резкое движение вверх вдоль границы институциональных возможностей.

Данный опыт полезно противопоставить опыту нереформированных государств, таких как Беларусь и Узбекистан, в которых на смену коммунистической диктатуре пришла личная диктатура при сохранении в неизменном виде многих контролирующих институтов коммунистического государства. В этих странах по-прежнему ощущается крайний недостаток свободы, однако при этом они смогли избежать резкого увеличения беспорядка. По сути, Беларусь и Узбекистан остались странами, имеющими весьма небольшую теневую экономику, что однозначно свидетельствует о широкомасштабном государственном контроле (Johnson, Kaufmann, and Shleifer (1997)). Как показывают официальные данные, эти страны также не столкнулись и со значительным сокращением объемов производства, что опять-таки говорит о сохранении порядка. С другой стороны, они лишились выигрыша от экономической трансформации, и более десяти лет их экономика функционировала слабо.

В отличие от России, страны Восточной Европы имели более привлекательную границу институциональных возможностей. Они меньше времени жили при коммунизме и, как в случае Чехии, Венгрии и Польши, оказывали сопротивление советским оккупантам и местным диктаторам. В данных странах существовало намного больше независимых организаций, а в случае

Польши – и независимая церковь. Они также были в большей степени интегрированы в Западную Европу и с самого начала стремились присоединиться к европейскому сообществу, которое устанавливало правила кооперации, ограничивающие диктатуру и беспорядок. Кроме того, в отличие от России (или Югославии) страны Восточной Европы не продвинулись далеко вверх вдоль границы институциональных возможностей, возможно, вследствие того, что они не столкнулись со столь серьезными проблемами децентрализации и преобладания местных интересов.

С большой вероятностью можно сказать, что в течение 1990-х гг. Россия оставалась на границе своих институциональных возможностей. Она двигалась в направлении от коммунистической диктатуры, но можно доказать, что вначале она «перепрыгнула» при осуществлении институциональных изменений в сторону чрезмерного беспорядка. При президенте Путине Россия сместилась вниз вдоль границы институциональных возможностей в направлении уменьшения беспорядка, даже за счет некоторого усиления диктатуры. На основе этого утверждения можно сделать обобщенный вывод, что экономические и социальные изменения в каждой стране должны рассматриваться в свете ее собственных институциональных возможностей, а не некоего идеального состояния закона и порядка.

4. ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ИНСТИТУТОВ

Совершенно очевидно, что, акцентируя внимание на эффективном выборе, можно объяснить существование лишь некоторой части, но далеко не всех институтов. Одним из серьезных исключений из предположения о местном формировании институтов является их трансплантация. По мере того как в XIX в. европейские державы завоевывали все большую часть мира, они приносили с собой институты, в том числе и законы. Значительная часть различий институтов между странами, и в частности разнообразие правовых систем, объясняется их трансплантацией (Watson (1974); La Porta et al. (1997; 1998); Berkowitz, Pistor, and Richard (2003)).

Когда англичане, французы, испанцы, голландцы, немцы и португальцы колонизировали мир, они приносили с собой многие институты, включая язык и виды спорта. Как было показано выше, существуют устойчивые разновидности этих институтов в странах происхождения, определяемые политической экономией процесса их формирования в течение последнего тысячелетия. В Англии развивалась традиция общего права, характеризующаяся наличием независимых судей и присяжных заседателей и относительно более слабой опорой на установленные правила; предпочтение в качестве средств борьбы с социальным злом отдается контрактам и частным судебным разбирательствам. В противоположность этому, во Франции развивалась традиция гражданского права, характеризующаяся наличием государственных судей, значительной опорой на правовые и процессуальные кодексы, в которой предпочтение отдается государственному регулированию, а не частному судебному разбирательству. В Германии сформировалась собственная традиция гражд-

данского права, основанная, как и во Франции, на римском праве. Кроме того, существует особая правовая традиция скандинавских стран. И, наконец, в XX в. в СССР была создана система социалистического права.

Наполеон экспортировал французскую правовую систему во время завоевания Испании, Португалии и Голландии, и посредством колониальных захватов, в том числе и этими странами, данная система распространилась на всю Латинскую Америку, значительную часть Европы, Северной и Западной Африки, некоторую часть стран Карибского бассейна и Азии. Традиция общего права была трансплантирована Англией в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Восточную Африку, значительную часть Азии (включая Индию) и некоторую часть стран Карибского бассейна. Немецкая правовая система была добровольно принята Швейцарией, Австро-Венгрией, а позднее и Японией; через Японию она оказала влияние на правовые системы Кореи, Тайваня и Китая. СССР трансплантировал свою правовую систему в социалистические страны. Данные каналы добровольной и колониальной трансплантации убеждают в том, что правовые системы отдельных стран могут иметь устойчивые различия.

Эту гипотезу убедительно подтверждают некоторые из первоначальных фактов о трансплантации правовых систем, собранные Ла Портой, Лопесом-де-Силанесом, Шляйфером и Вишны (La Porta et al. (1997; 1998)). Авторы рассматривают законы о защите инвесторов – акционеров и кредиторов – от экспроприации инсайдерами корпораций, используя выборку, включающую 49 стран мира. Они обнаруживают, что в целом страны, использующие общее право, обеспечивают лучшую защиту интересов акционеров по сравнению со странами, использующими гражданское право, и в особенности странами, использующими французское гражданское право. Они также обнаруживают, что страны, использующие общее и немецкое гражданское право, обеспечивают лучшую защиту кредиторов по сравнению со странами, использующими французское гражданское право. В работах La Porta et al. (1997; 1998) и последующих исследованиях также показано, что истоки правовых систем и защита интересов инвесторов сильно коррелируют с различными аспектами финансового развития (Demirguc-Kunt, Levine (2001); Johnson et al. (2000); Wurgler (2000); Beck, Demirguc-Kunt, and Levine (2003a; 2003b); Friedman, Johnson, and Mitton (2003); La Porta et al. (2000; 2002)).

На основе подобных межстрановых сравнений в работах Djankov et al. (2002; 2003) и Botero et al. (2002) далее исследуются различные сферы государственного регулирования, включая регулирование входа на рынок новых фирм, судопроизводства и рынков труда. Несмотря на то что данные для каждого из этих исследований собирались на основе использования различных процедур, и то, что они охватывают несколько отличающиеся выборки стран, можно наблюдать некоторые устойчивые закономерности. Как оказалось, определенные способы общественного контроля за бизнесом в этих странах тесно связаны с правовыми истоками их законов. Во всех трех областях – вход на рынок, судопроизводство и рынки труда – в странах, правовые истоки которых восходят к социалистическому и французскому праву, осуществляется

намного более крупномасштабное регулирование по сравнению со странами, использующими общее право. В среднем, в странах, где регулируются условия входа на рынок, одновременно подлежат регулированию судопроизводство и рынки труда, и эти корреляции, по крайней мере отчасти, обусловлены источниками происхождения правовых систем (табл. 1).

Таблица 1

Корреляции между различными показателями регулирования

В таблице показаны парные корреляции между индексами регулирования по 63 странам. С целью исключения ложной корреляции в выборку не была включена ни одна нынешняя или бывшая коммунистическая страна. Показателями регулирования являются: (1) «индекс законов о занятости», измеряющий уровень защиты труда и оценивающий законы о занятости; рассчитывается как простая сумма следующих подындеков: (а) альтернативные трудовые контракты, (б) условия занятости, (с) безопасность работы; (2) «число процедур для начала бизнеса», определяемый как число различных процедур, которые должен выполнить начинающий предприниматель, чтобы обрести легальный статус, то есть, чтобы начать функционировать как юридическое лицо; (3) «индекс формализма судов при взыскании долгов», оценивающий материально-правовое и процессуальное законодательство в отношении рассмотрения дел гражданскими судами первой инстанции; включает различные характеристики судебного процесса, такие как потребность в адвокатах и юридических оправданиях, письменные и устные элементы судебного процесса, законодательное регулирование процесса дачи показаний, контроль за рассмотрением дел вышестоящими судебными инстанциями, формальные обязанности сторон и количество независимых процессуальных действий.

	Индекс законов о занятости	Число процедур для начала бизнеса
Число процедур для начала бизнеса	0.6168 ^a	1
Индекс формализма судов при взыскании долгов	0.6083 ^a	0.5944 ^a

Примечание. а – значим на 1% уровне.

Источники: Botero et al. (2002); Djankov et al. (2002); Djankov et al. (2003).

Аналогичные выводы можно сделать при рассмотрении государственной собственности. В странах, истоки правовых систем которых восходят к социалистическому и французскому гражданскому праву, имеется больше государственных банков (La Porta, Lopez-de-Silanes, and Shleifer (2002a)), и государственные предприятия здесь играют в экономике большую роль (La Porta et al. (1999)) по сравнению со странами, использующими общее право. Эти факты убедительно свидетельствуют о том, что именно трансплантация институтов, а не местные условия, оказывает значительное влияние на национальные модели общественного контроля за бизнесом, включая государственную собственность и регулирование. Данные факты со всей очевидностью противоречат стандартным теориям регулирования, которые при объяснении практики регулирования делают акцент на специфике местных отраслевых условий и власти групп с особыми интересами, а не на определенных национальных тенденциях.

Тот факт, что колониальная трансплантация институтов является столь важным детерминантом институционального устройства, означает, что суще-

ствующий институциональный выбор вполне может оказаться неэффективным. Правовая система и система регулирующих мер, идеально подходящие для Франции, могут привести к неэффективно высоким уровням регулирования и государственной собственности при трансплантации в страны, располагающие меньшим гражданским капиталом. Аналогичным образом, система независимых судов, хорошо работающая в Австралии или США, может оказаться неадекватной для Малайзии или Зимбабве. Можно ли разобраться в причинах возможной неудачи колониальной трансплантации институтов?

На рис. 5 мы используем наш теоретический подход применительно к трансплантации институтов. Мы рассматриваем правовую систему как ограничивающую диктатуру и беспорядок в (приблизительно) фиксированных пропорциях. Правовая система определенной страны представляет собой точку пересечения луча, исходящего из начала координат и определяющего эти пропорции, с границей институциональных возможностей данной страны. Луч, соответствующий общему праву, отражает более высокое соотношение беспорядка и диктатуры, по сравнению с лучом, соответствующим гражданскому праву. И, наконец, по мере того как граница институциональных возможностей сдвигается вправо от развитых к развивающимся странам, предельная величина диктатуры, необходимая для уменьшения беспорядка, увеличивается: развивающиеся страны (в отличие от США в 1900 г.) не могут достичь большого порядка путем осуществления регулирования. В результате, развивающимся странам в состоянии равновесия необходимо *относительно* меньше диктатуры, то есть меньше регулирования.

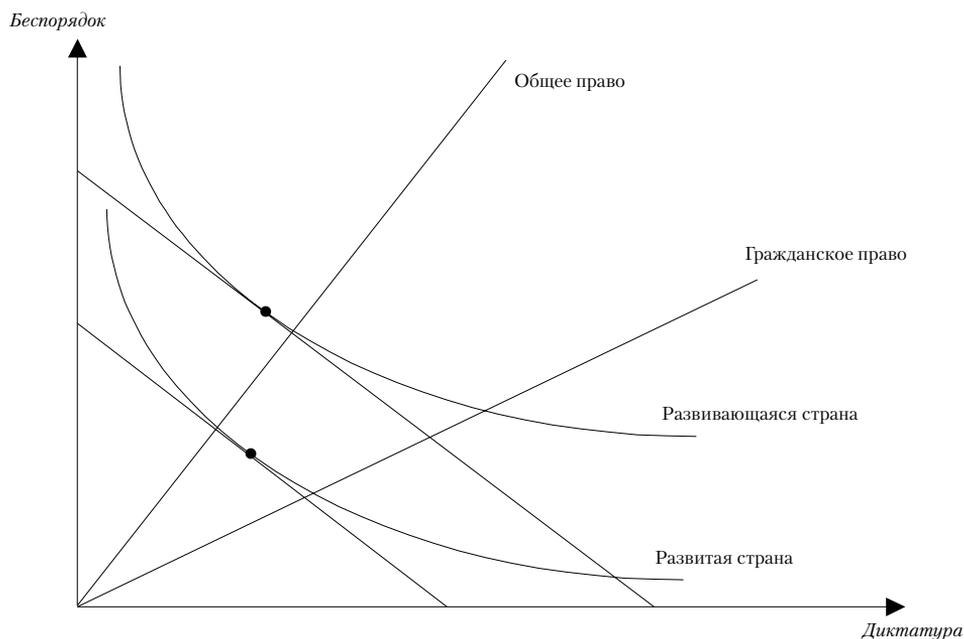

Рис. 5. Трансплантация законов

На рис. 5 трансплантация в страну общего и гражданского права показана как сдвиг границы институциональных возможностей в сторону от начала координат. Какая бы система ни трансплантировалась, равновесные уровни диктатуры и беспорядка увеличиваются просто вследствие того, что институциональные возможности являются менее привлекательными. Кроме того, с точки зрения эффективности трансплантация гражданского и общего права ведет к чрезмерному государственному вмешательству и регулированию в тех странах, которые располагают меньшим гражданским капиталом. И, наконец, трансплантация ведет к более высокому уровню чрезмерного регулирования в странах, использующих гражданское, а не общее право. Вследствие значительных рисков злоупотребления государственным регулированием бизнеса, странам с более низким уровнем гражданского капитала для повышения эффективности выбора необходимо ослабить регулирование. Но трансплантация правовых систем приводит к одинаковому в относительном, но большему в абсолютном выражении уровню регулирования по сравнению со странами происхождения права. Эта проблема наиболее остро стоит в странах, использующих гражданское право, которые с точки зрения эффективности становятся в особенности сильно зарегулированными.

Рис. 5 подтверждает выводы, полученные в работах Djankov et al. (2002; 2003) и Botero et al. (2003): уровни регулирования выше в более бедных странах по сравнению с более богатыми странами, а также в странах, использующих гражданское право, по сравнению со странами, использующими общее право. Кроме того, в полном соответствии с рис. 5, факты свидетельствуют о частых случаях чрезмерного регулирования в бедных странах. Более высокий уровень регулирования условий входа на рынок связан с более крупной теневой экономикой и отсутствием ощутимых стимулов к повышению качества продукции (Djankov et al. (2002)). Более высокий уровень регулирования судопроизводства связан с более высокими судебными издержками и более длительными отсрочками судебного разбирательства, при отсутствии компенсирующих выгод в виде торжества справедливости (Djankov et al. (2003)). Крупномасштабное регулирование рынков труда связано с более значительной долей теневой экономики, высокой безработицей и меньшей долей рабочей силы в общей численности населения (Botero et al. (2003)). Во всех этих случаях страны, использующие трансплантированные системы регулирования, сталкиваются с проблемой чрезмерного государственного вмешательства.

Доказательства роли происхождения правовых систем позволяют обратить внимание на ряд реальных причин того, почему существующие институты не способны реализовать весь свой потенциал, а также на некоторые возможные направления реформирования. Факты свидетельствуют о том, что высокоприоритетным направлением реформ для бедных стран является дерегулирование, в особенности в таких областях, как условия входа на рынок и рынки труда, где силы конкуренции потенциально весьма эффективны. Вследствие того что государственные чиновники злоупотребляют властью в отношении частных агентов, регулирование в этих странах почти всегда сопровождается слабыми результатами функционирования экономики. Вполне ве-

роятно, что дерегулирование позволит решить проблему диктатуры без существенного увеличения беспорядка.

Но факты также говорят и о существовании ряда ошибок при проведении реформ. Например, трудно предположить, чтобы в развивающихся странах, использующих гражданское право, суды, ведущие судопроизводство на основе общего права, были способны к эффективному разрешению споров. Наиболее привлекательными областями для дерегулирования в развивающихся странах являются те, где контролировать беспорядок можно посредством конкуренции и рыночной дисциплины, а не судопроизводства. В отличие от этого, в развитых странах именно суды, в особенности специализированные, становятся все более привлекательной альтернативой государственному регулированию.

До сих пор мы акцентировали внимание на содержании трансплантации институтов, а точнее, на трансплантации правовых систем и систем регулирования. Однако совершенно очевидно, что трансплантации также подлежат и другие институты. Более того, может иметь значение и то, каким образом происходит трансплантация. В работах Berkowitz, Pistor, and Richard (2003) и Pistor et al. (2002; 2003) подчеркивается значение «восприимчивости» институтов для успеха трансплантации правовых систем. Ачемоглу, Джонсон и Робинсон утверждают, что качество трансплантации институтов зависит от того, селились ли сами колонизаторы на оккупированных землях, как это было в случае США или Новой Зеландии, или они лишь учреждали торговые посты и эксплуатировали колонии, как это происходило в большинстве африканских государств (Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001)).

Все факты говорят о чрезвычайной важности трансплантации институтов. Как было показано, эффективность трансплантации институтов общественного контроля за бизнесом определяется происхождением правовых систем: от него зависит положение трансплантированных институтов на границе институциональных возможностей, но не положение самой границы. Таким образом, мы полагаем, что истоки правовых систем воздействуют на экономический рост лишь косвенно и до тех пор, пока определенные механизмы общественного контроля оказывают влияние на рынки капитала, труда и предпринимательских способностей и, тем самым, на накопление факторов производства и рост производительности. Другие аспекты колонизации и трансплантации могут напрямую влиять на экономический рост путем воздействия на гражданский капитал общества, то есть на положение границы институциональных возможностей. Из них наиболее важным, по-видимому, является человеческий капитал, приводящий в движение институты. Уяснение различий в последствиях трансплантации является ключевой проблемой новой компаративной экономической теории.

5. ПОЛИТИКА

Политика имеет в экономической теории плохую репутацию. Маркс (Marx (1974)), австрийцы (Mises (1949); Hayek (1960)), институционалисты (Olson (1962; 1985); North (1990)), теоретики общественного выбора (Buchanan,

Tullock (1962)), представители теории регулирования (Stigler (1971)) и политические историки (Finer (1997)), рассматривая институты, утверждали, что в их неэффективности зачастую повинен именно политический выбор. Генералы, диктаторы, господствующие общественные классы, демократическое большинство и находящиеся в привилегированном положении группы с особыми интересами – все они предпочитают институты, укрепляющие их властные позиции и позволяющие извлекать политическую и экономическую ренту. Конституции, правила голосования, федеральные соглашения, структура вооруженных сил и полиции выбираются всеми этими субъектами таким образом, чтобы сохранить свою власть. Некоторые из последних моделей, с помощью которых исследуются данные явления, представлены в работах Olson (1993); Rajan, Zingales (2000); Acemoglu, Robinson (2000; 2002); Aghion, Alesina, and Trebbi (2002); Glaeser, Shleifer (2002b). Все эти модели приводят к заключению, что, в силу неудачного исхода коузовских переговоров между различными игроками, нет никаких оснований рассчитывать на то, что равновесный институциональный выбор приведет к достижению границы институциональных возможностей, не говоря уже о минимизации совокупных общественных потерь (Olson (2000); Acemoglu (2003))⁵.

С политической точки зрения, равновесные институты могут вести либо к чрезмерному беспорядку, либо к слишком сильной диктатуре. Последние исследования России времен Ельцина показывают, например, что олигархи, оказывавшие мощное влияние на правительство (подобно баронам-разбойникам в до-прогрессивную эпоху США), предпочитали институциональный беспорядок в качестве стратегии максимизации своей ренты (Black, Tarassova (2003); Sonin (2003)). Более типична, однако, ситуация, когда власть пытаются сохранить, помогая себе и своим сторонникам посредством установления чрезмерной диктатуры. Для находящихся у власти политиков важнейшим механизмом осуществления покровительства и сохранения политической поддержки становится государственная собственность (Shleifer, Vishny (1994)). Регулирование с якобы благими намерениями оборачивается защитой привилегированных фирм от конкуренции, широким распространением коррупции и возможностью получения политической поддержки теми, кто занимается регулированием (Stigler (1971); De Soto (1989); Djankov et al. (2002); Bertrand, Kramarz (2002); Besley, Burgess (2002); Rajan, Zingales (2003)). На самом элементарном уровне политический подход помогает также объяснить и сам социализм – систему, при которой вся политическая власть и принятие экономических решений концентрируются в руках небольшой элиты, тем самым обеспечивая эту элиту наиболее мощным рычагом сохранения властных позиций и делая все население страны зависимым от нее экономически.

Несмотря на всю ценность политического подхода, было бы поспешным обвинять политику во всех провалах институциональных реформ. Политика чаще

⁵ Мы не рассматриваем здесь обширную литературу, в которой политические институты подвергаются сравнительному анализу. См., например, Laffont (2000); Persson, Tabellini (2000).

способствует созданию эффективных институтов, чем неэффективных. В конце концов, даже коммунистические диктатуры потерпели крушение, превратившись в капиталистические демократии. Существуют по меньшей мере четыре важнейших пути содействия политического процесса достижению более высокой эффективности институтов. Во-первых, со временем, по мере возникновения новых обстоятельств, некоторые институты приобретают более эффективные формы. По сути, это совпадает со взглядом Хайека на эволюцию общего права (Hayek (1960)). Во-вторых, зачастую господствующее положение в правительстве занимают группы с особыми интересами, отдающие предпочтение эффективности. Де Лонг и Шляйфер, например, показывают, что за последнее тысячелетие хорошие институты и быстрый рост городов демонстрировали те регионы Европы, которыми управляли купцы, тогда как этого не происходило в регионах с абсолютной монархией (De Long, Shleifer (1993)). В-третьих, даже если некоторые группы с особыми интересами выступают против изменений, коузовские частные переговоры, тем не менее, зачастую ведут к выбору эффективных институтов (Becker (1983)). Принятие Великой хартии вольностей в Англии и Конституции США – лишь наиболее известные примеры подобных переговоров. И последний, но, тем не менее, важный способ: несмотря на хорошо известные проблемы, связанные с демократическим голосованием (Buchanan, Tullock (1962)), зачастую существует влиятельная сила, выступающая в пользу создания более эффективных институтов (Wittman (1989)). Мы уже рассмотрели прогрессивные реформы. В более широком масштабе огромный рост мирового благосостояния в течение демократического XX в. является наилучшим доказательством преимуществ демократической политики.

Стремление демократических государств к эффективности хорошо иллюстрирует принятие великого американского изобретения, способствующего достижению баланса между диктатурой и беспорядком, – жесткой конституции, включающей систему сдержек и противовесов (Brennan, Buchanan (1980)). Наиболее ярким проявлением подобной жесткости является тот факт, что суды имеют право проверки законов, принятых законодательными органами, на предмет соответствия конституции. Американская идея о соответствии конституции распространилась на страны, находящиеся под влиянием Конституции США, в частности на страны Латинской Америки, а после Второй мировой войны, по мере того как конституционные суды становились общепринятым явлением, – и на многие другие части мира, включая континентальную Европу. В работе La Porta et al. (2002) авторы исследуют современные конституции 71 страны мира и выявляют те страны, которые ввели в свои конституции право судебной власти пересматривать и отменять решения других ветвей власти как несоответствующие конституции, на основании чего приходят к выводу, что рассмотрение на предмет соответствия конституции действительно предполагает большую степень политической свободы⁶.

⁶ Создание системы сдержек и противовесов было центральным вопросом институционального устройства в странах с переходной экономикой и при обсуждении проектов конституций в странах Западной Европы (Berglof et al. (2003)).

Не все содействующие повышению эффективности переговоры приводят к созданию Великой хартии вольностей или Конституции США, но они, тем не менее, могут способствовать повышению благосостояния. В течение 1990-х гг. президент России Ельцин боролся с возможным возвратом коммунистической диктатуры и крайним беспорядком, обусловленным децентрализованным федерализмом и экономической дезорганизацией. Политические, экономические и правовые реформы Ельцина, как правило, предполагали коузовские переговоры с крупными акционерами, которые для неинформированных наблюдателей могли показаться провалами демократического правления. Приватизация, например, требовала значительных уступок инсайдерам предприятий, угроза прихода к власти коммунистов на выборах 1996 г. – покупки политической поддержки у олигархов, а сохранение федерации – предоставления широких привилегий независимым регионам (Boycko, Shleifer, and Vishny (1995); Shleifer, Treisman (2000)). К концу десятилетия Россия стала демократической капиталистической страной с более сильными институтами, чем те, которые она имела в начале десятилетия, что позволило преемнику Ельцина продолжить его программу и получить значительные выгоды от стабильности и экономического роста. С позиций сегодняшнего дня многие институциональные реформы и политика Ельцина выглядят как направленная на повышение благосостояния стратегия борьбы с диктатурой и беспорядком.

Чтобы развить эту мысль, рассмотрим еще более крайний пример президента Перу Фуджимори и назначенного им директором Центрального разведывательного управления Владимиром Монтесином. Монтесинос был правой рукой Фуджимори, управляя отношениями президента с другими политиками, судьями, бизнесменами, средствами массовой информации, иностранными правительствами и представителями гражданского общества. Главным орудием правления Монтесином была коррупция: он регулярно предоставлял привилегии ключевым членам элиты в обмен на взятки. К несчастью для Монтесиномса, он делал магнитофонные записи своих бесед и переговоров. И когда Фуджимори, в конце концов, сбежал из страны, эти записи стали достоянием общественности. В работе Осамро (2003) приводится обзор некоторых записей и документов, подтверждающих коррупционные сделки между Монтесиномсом и более чем 100 членами перуанской элиты. К каким же выводам можно прийти на основе этих шокирующих фактов?

С одной стороны, это – пример грубой диктатуры и коррупции. Но, с другой стороны, эти сделки были частью политики восстановления порядка в Перу. До выборов Фуджимори Перу была страной, находящейся в состоянии анархии, имеющей отрицательные темпы роста и сталкивающейся с постоянной – и смертоносной – угрозой со стороны принадлежащих к левому крылу генералов, «Светлого пути»⁷ и бесконечной политической борьбой внутри элиты. За период своего правления Фуджимори восстановил порядок, разгромил «Светлый путь» и добился значительного экономического роста. Он сделал это отчасти путем ослабления конфликтов между элитами и упрочения своей

⁷ Коммунистической партии Перу. – *Прим. пер.*

власти посредством коррупционных сделок Монтесиноса. С точки зрения перуанских институтов, эти сделки отражают движение в сторону устранения беспорядка и усиления диктатуры, которое, по всей видимости, было эффективным. Но это движение нельзя считать привлекательным, что справедливо и в отношении границы институциональных возможностей Перу. В конечном счете, по мере того как Фуджимори попытался укрепить свою диктатуру, начал работать политический процесс, и он был изгнан из страны. Неудивительно, что одновременно усилился и беспорядок.

Зачастую благое влияние политики требует осторожной оценки. По сути, политика представляет собой переговоры между группами с различными интересами, и успех этих политических переговоров в значительной степени зависит от гражданского капитала общества, то есть его способности к кооперации. Страны с более развитым гражданским капиталом и более привлекательными границами институциональных возможностей с большей вероятностью проводят успешные политические переговоры и выбирают эффективную точку на границе институциональных возможностей. В этом очень важном отношении положение границы институциональных возможностей и политический выбор точки на ней находятся в зависимости друг от друга. Тем не менее было бы некорректным обвинять политику во всех неудачах институциональных реформ, поскольку в большинстве случаев провалы политических переговоров обусловлены теми же факторами, которые приводят к снижению институциональных возможностей.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АДЕКВАТНЫЕ ИНСТИТУТЫ

По меньшей мере начиная с XVIII в., экономисты признают, что эффективно функционирующему функционированию экономики способствуют хорошие институты – те, которые обеспечивают защиту прав собственности. Но лишь недавно, в свете проблем трансформации и экономического развития, а также значительного увеличения объема эмпирической информации, выгоды от хороших институтов получили должную оценку. И теперь экономическая теория может двигаться дальше, признавая, что в различных обстоятельствах адекватными являются разные институты. Это, как мы полагаем, и есть цель новой компаративной экономической теории.

В данной работе мы попытались конкретизировать эту проблему. Мы показали, что разнообразие институтов можно объяснить с точки зрения фундаментального выбора между контролем за диктатурой и контролем за беспорядком. На основе данного подхода можно дать объяснение многим характеристикам успешных и неудачных институтов. Кроме того, этот подход проливает свет на ряд исторических событий, включая колониальную трансплантацию институтов, возникновение государственного регулирования и переход от социализма к капитализму. Он также наиболее убедительно доказывает, что в любой стране реформы должны оцениваться исходя из институциональных возможностей данной страны, а не некоторого идеального состояния, характеризующегося отсутствием диктатуры и беспорядка.

Развитие новой компаративной экономической теории вступило в новую увлекательную стадию. Чрезвычайно бурные события, произошедшие в мире за последнее десятилетие, – начиная с постсткоммунистической трансформации и заканчивая азиатским и латиноамериканским финансовыми кризисами, а также экономической и социальной разрухой в Африке, – выдвинули на передний план не только институциональные реформы, но и многие ошибки в процессе их осуществления. Сейчас все мы стали менее пристрастными и более мудрыми. Но мы также четко осознаем, что компаративный подход, определяющий возможности и ограничения конкретных обществ, может служить полезным теоретическим подходом для достижения будущего прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

Acemoglu, D. (2003) Why Not a Political Coase Theorem: Social Conflict, Commitment, and Politics, *Journal of Comparative Economics*, 31, forthcoming.

Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. (2001) The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation, *American Economic Review*, 91, 5, 1369–1401.

Acemoglu, D., Robinson, J. (2000) Political Losers as a Barrier to Economic Development, *American Economic Review*, 90, 2, 126–130.

Acemoglu, D., Robinson, J. (2002) Economic Backwardness in Political Perspective, *NBER Working Paper*, 8831.

Ades, A., Di Tella, R. (1997) National Champions and Corruption: Some Unpleasant Interventionist Arithmetic, *Economic Journal*, 107, 443, 1023–1042.

Aghion, P., Alesina, A., and Trebbi, F. (2002) *Endogenous Political Institutions*, Harvard University, mimeo.

Alesina, A., Baqir, R., and Easterly, W. (1999) Public Goods and Ethnic Divisions, *Quarterly Journal of Economics*, 114, 4, 1243–1284.

Allen, F., Qian, J., and Qian, M. (2002) *Law, Finance, and Economic Growth in China*, University of Pennsylvania, mimeo.

Barth, J., Caprio, G., and Levine, R. (2003) Bank Supervision and Regulation: What Works Best? *Journal of Financial Intermediation*, forthcoming.

Becker, G. (1983) A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence, *Quarterly Journal of Economics*, 98, 3, 371–400.

Beck, T., Demirguc-Kunt, A., and Levine, R. (2003a) Law and Finance: Does Legal Origin Matter? *Journal of Comparative Economics*, 31, forthcoming.

Beck, T., Demirguc-Kunt, A., and Levine, R. (2003b) Law, Endowments, and Finance, *Journal of Financial Economics*, forthcoming.

Berkowitz, D., Pistor, K., and Richard, J.-F. (2003) Economic Development, Legality, and the Transplant Effect, *European Economic Review*, 47, 1, 165–195.

Bernstein, L. (1992) Opting Out of the Legal System: Extralegal Contractual Relations in the Diamond Industry, *Journal of Legal Studies*, 21, 1, 115–157.

Berglof, E., Eichengreen, B., Rolland, G., Tabellini, G., and Wyplocz, C. (2003) *Built to Last: A Political Architecture for Europe*, London, CEPR.

Bertrand, M., Kramarz, F. (2002) Does Entry Regulation Hinder Job Creation? Evidence From the French Retail Industry, *Quarterly Journal of Economics*, 117, 4, 1369–1414.

Bertrand, M., Mehta, P., and Mullainathan, S. (2002) Ferreting Out Tunneling: An Application to Indian Business Groups, *Quarterly Journal of Economics*, 117, 1, 121–148.

Besley, T. (1995) Property Rights and Investment Incentives: Theory and Evidence From Ghana, *Journal of Political Economy*, 103, 5, 903–937.

Besley, T., Burgess, R. (2002) *Can Labor Regulation Hinder Economic Performance? Evidence From India*, London School of Economics, mimeo.

Black, B., Kraakman, R. (1996) A Self-Enforcing Model of Corporate Law, *Harvard Law Review*, 109, 8, 1911–1981.

Black, B., Tarassova, A. (2003) *Institutional Reform in Transition: A Case Study of Russia*, Stanford Law School, mimeo.

Blanchard, O., Kremer, M. (1997) Disorganization, *Quarterly Journal of Economics*, 112, 4, 1091–1126. (Рус. пер. – Бланшар О., Кремер М. (2000) Дезорганизация, *Квартальный бюллетень Клуба экономистов*, 4, 137–174. – Здесь и далее – прим. пер.)

Blanchard, O., Shleifer, A. (2001) Federalism With and Without Political Centralization: China vs. Russia, *IMF Staff Papers*, 48, 0, 171–179.

Botero, J., Djankov, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2002) *The Regulation of Labor*, Harvard University, mimeo.

Boycko, M., Shleifer, A., and Vishny, R. (1995) *Privatizing Russia*, Cambridge, MIT Press.

Brennan, G., Buchanan, J. (1980) *The Power to Tax: Analytical Foundations of the Fiscal Constitution*, Cambridge, Cambridge University Press.

Buchanan, J., Tullock, G. (1962) *The Calculus of Consent. Logical Foundations of Constitutional Democracy*, Ann Arbor, University of Michigan Press. (Рус. пер. – Бьюкенен Дж., Таллок Г. (1997) Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии, Бьюкенен Дж.М., *Сочинения*, Москва, Таурус Альфа, 31–206.)

Coase, R. (1960) The Problem of Social Cost, *Journal of Law and Economics*, 3, 1, 1–44. (Рус. пер. – Коуз Р. (1993) Проблема социальных издержек, Коуз Р., *Фирма, рынок и право*, Москва, Дело, 87–141.)

Coffee, J.C. (1999) The Future as History: The Prospects for Global Convergence in Corporate Governance and Its Implications, *Northwestern University Law Review*, 93, 3, 631–707.

Coppin, C., High, J. (1999) *The Politics of Purity*, Ann Arbor, University of Michigan Press.

Dal Bo, E., Dal Bo, P., and Di Tella, R. (2002) Plata o Plomo? Bribe and Punishment in a Theory of Political Influence, *Harvard Business School Working Paper*, 03–060.

De Long, J.B., Shleifer, A. (1993) Princes and Merchants: European City Growth Before the Industrial Revolution, *Journal of Law and Economics*, 36, 2, 671–702.

Demirguc-Kunt, A., Levine, R. (eds) (2001) *Financial Structure and Economic Growth*, Cambridge, MIT Press.

Demsetz, H. (1967) Towards a Theory of Property Rights, *American Economic Review*, 57, 2, 347–359.

De Soto, H. (1989) *The Other Path*, New York, Harper and Row. (Рус. пер. – Сото Э. (1995) *Иной путь. Невидимая революция в третьем мире*, Москва, Catallaxy.)

Diamond, J. (1997) *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*, New York, W.W. Norton.

Djankov, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2002) The Regulation of Entry, *Quarterly Journal of Economics*, 117, 1, 1–37.

Djankov, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2003) Courts, *Quarterly Journal of Economics*, 118, forthcoming.

Djankov, S., Murrell, P. (2002) Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey, *Journal of Economic Literature*, 40, 3, 739–792.

Easterly, W., Levine, R. (1997) Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions, *Quarterly Journal of Economics*, 112, 4, 1203–1250.

Easterly, W., Levine, R. (2003) Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development, *Journal of Monetary Economics*, 50, 1, 3–39.

Ellickson, R. (1991) *Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes*, Cambridge, Harvard University Press.

Engerman, S., Sokoloff, K. (1997) Factor Endowments, Institutions, and Differential Paths of Growth Among New World Economies, S. Haber (ed.), *How Latin America Fell Behind*, Stanford, Stanford University Press.

Engerman, S., Sokoloff, K. (2002) Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development Among New World Economies, *NBER Working Paper*, 9259.

Finer, S. (1997) *The History of Government*, Vol. I–III, Cambridge, Cambridge University Press.

Fishback, P., Kantor, S. (2000) *A Prelude to the Welfare State: The Origins of Workers' Compensation*, Chicago, University of Chicago Press.

Friedman, E., Johnson, S., and Mitton, T. (2003) Propping and Tunneling, *Journal of Comparative Economics*, 31, forthcoming.

Frye, T., Shleifer, A. (1997) The Invisible Hand and the Grabbing Hand, *American Economic Review*, 1997, 87, 2, 354–358.

Galanter, M. (1974) Why the Haves Come Out Ahead: Speculations on the Limits of Legal Change, *Law and Society Review*, 9, 95–169.

Glaeser, E. (2003) Public Ownership in the American City, A.E. Schwartz (ed.), *Urban Issues and Public Finance: Essays in Honor of Dick Netzer*, Northampton, Edward Elgar Publishing.

Glaeser, E., Shleifer, A. (2002a) Legal Origins, *Quarterly Journal of Economics*, 117, 4.

Glaeser, E., Shleifer, A. (2002b) The Curley Effect, *NBER Working Paper*, 8942.

Glaeser, E., Shleifer, A. (2003) The Rise of the Regulatory State, *Journal of Economic Literature*, 41, 2, 401–425.

Glaeser, E., Johnson, S., and Shleifer, A. (2001) Coase vs. the Coasians, *Quarterly Journal of Economics*, 116, 3, 853–899.

Glaeser, E., Scheinkman, J., and Shleifer, A. (2003) The Injustice of Inequality, *Journal of Monetary Economics*, 50, 1, 199–222.

Greif, A. (1989) Reputation and Coalitions in Medieval Trade Evidence on the Maghribi Traders, *Journal of Economic History*, 49, 4, 857–882.

Greif, A. (1993) Contract Enforceability and Economic Institutions in Early Trade: The Maghribi Traders' Coalition, *American Economic Review*, 83, 3, 525–548.

Greif, A. (1994) Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Theoretical Reflection on Collectivist and Individual Societies, *Journal of Political Economy*, 102, 5, 912–950.

Hall, R., Jones, C. (1999) Why Do Some Countries Produce so Much More Output per Worker Than Others? *Quarterly Journal of Economics*, 114, 1, 83–116.

Hamilton, J., Madison, J., and Jay, J. (1961) *Federalist Papers*, New York, New American Library.

Hart, O., Shleifer, A., and Vishny, R. (1997) The Proper Scope of Government, *Quarterly Journal of Economics*, 112, 4, 1127–1161.

Hay, J., Shleifer, A. (1998) Private Enforcement of Public Laws: A Theory of Legal Reform, *American Economic Review*, 88, 2, 398–403.

Hay, J., Shleifer, A., and Vishny, R. (1996) Toward a Theory of Legal Reform, *European Economic Review*, 40, 3, 559–567.

Hayek, F.A. (1960) *The Constitution of Liberty*, South Bend, Gateway Editions.

Hellman, J. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform, *World Politics*, 50, 2, 203–234. (Рус. пер. – Хеллман Дж.С. (2000) Победители получают все. Политика частичных реформ в посткоммунистических странах, *Квартальный бюллетень Клуба экономистов*, 2, 124–158.)

Hellman, J., Jones, G., and Kaufmann, D. (2003) Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition, *Journal of Comparative Economics*, 31, forthcoming.

Hobbes, T. (1991) *Leviathan*, New York, Cambridge University Press. (Рус. пер. – Гоббс Т. (1991) Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского, Гоббс Т., *Сочинения*, Т. 2, Москва, Мысль, 3–545.)

Jin, H., Qian, Y. (1998) Public vs. Private Ownership of Firms: Evidence From Rural China, *Quarterly Journal of Economics*, 113, 3, 773–808.

Johnson, S., Boone, P., Breach, A., and Friedman, E. (2000) Corporate Governance in the Asian Financial Crisis, *Journal of Financial Economics*, 58, 1–2, 141–186.

Johnson, S., Kaufmann, D., and Shleifer, A. (1997) The Unofficial Economy in Transition, *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 1, 159–221.

Johnson, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2000) Tunneling, *American Economic Review*, 90, 2, 22–27.

Johnson, S., McMillan, J., and Woodruff, C. (2002) Courts and Relational Contracts, *Journal of Law, Economics, and Organization*, 18, 1, 221–277.

Kaufmann, D., Kraay, A., and Zoido-Lobaton, P. (2002) Governance Matters II: Updated Indicators for 2000–2001, *World Bank Policy Research Working Paper*, 2772.

Knack, S., Keefer, P. (1995) Institutions and Economic Performance: Cross Country Tests Using Alternative Institutional Measures, *Economics and Politics*, 7, 3, 207–227.

Kornai, J. (1992) *The Socialist System: The Political Economy of Communism*, Princeton, Princeton University Press. (Рус. пер. – Корнаи Я. (2000) *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*, Москва, Вопросы экономики.)

Laffont, J.-J. (2000) *Incentives and Political Economy*, New York, Oxford University Press.

Landes, D. (1998) *The Wealth and Poverty of Nations*, New York, W.W. Norton.

Landis, J. (1938) *The Administrative Process*, New Haven, Yale University Press.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Pop-Eleches, C., and Shleifer, A. (2002) The Guarantees of Freedom, *NBER Working Paper*, 8759.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2002a) Government Ownership of Banks, *Journal of Finance*, 57, 1, 265–301.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2002b) *What Works in Securities Laws*, Harvard University, mimeo.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (1997) Legal Determinants of External Finance, *Journal of Finance*, 52, 3, 1131–1150.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (1998) Law and Finance, *Journal of Political Economy*, 106, 6, 1113–1155.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (1999) The Quality of Government, *Journal of Law, Economics, and Organization*, 15, 1, 222–279.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (2000) Investor Protection and Corporate Governance, *Journal of Financial Economics*, 58, 1–2, 3–27.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (2002) Investor Protection and Corporate Valuation, *Journal of Finance*, 57, 3, 1147–1170.

Lopez-de-Silanes, F. (1997) Determinants of Privatization Prices, *Quarterly Journal of Economics*, 112, 4, 965–1026.

Маркс, К. (1974) *Das Kapital*, London, Lawrence and Wishart. (Рус. пер. – Маркс К. (1988) *Капитал: Критика политической экономии*, Т. 2, Кн. 2, *Процесс обращения капитала*, Москва, Политиздат.)

McKinsey (1999) *Russia's Economic Performance*, Moscow, McKinsey Global Institute.

McMillan, J., Woodruff, C. (1999) Interfirm Relationships and Informal Credit in Vietnam, *Quarterly Journal of Economics*, 114, 4, 1285–1320.

Meggison, W., Netter, J. (2001) From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization, *Journal of Economic Literature*, 39, 2, 321–389.

Mises, L. (1949) *Human Action*, New Haven, Yale University Press. (Рус. пер. – Мизес Л. (2000) *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*, Москва, Экономика.)

Montesquieu, M. (1984) *The Spirit of Laws*, Birmingham, Lucas Printing Company.

Murphy, K., Shleifer, A., and Vishny, R. (1991) The Transition to a Market Economy: Pitfalls of Partial Reform, *Quarterly Journal of Economics*, 107, 3, 899–906.

Murrell, P. (1992) Evolution in Economics and in the Economic Reform of the Centrally Planned Economies, C. Clague, G. Rausser (eds), *Emergence of Market Economies in Eastern Europe*, London, Blackwell.

Murrell, P. (1995) Transition According to Cambridge, Mass., *Journal of Economic Literature*, 33, 1, 164–178.

Murrell, P. (2003) Firms Facing New Institutions: Transactional Governance in Romania, *Journal of Comparative Economics*, 31, forthcoming.

North, D. (1981) *Structure and Change in Economic History*, Cambridge, W.W. Norton.

North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*, Cambridge, Cambridge University Press. (Рус. пер. – Норт Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*, Москва, Начала.)

North, D., Weingast, B. (1989) Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England, *Journal of Economic History*, 49, 4, 803–832.

Nozick, R. (1974) *Anarchy, State, and Utopia*, New York, Basic Books.

Осампо, Л.М. (2003) The Montesino's Case, Harvard Law School, mimeo.

Olson, M. (1965) *The Logic of Collective Action*, Cambridge, Harvard University Press. (Рус. пер. – Олсон М. (1995) *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*, Москва, ФЭИ.)

Olson, M. (1982) *The Rise and Decline of Nations*, New Haven, Yale University Press. (Рус. пер. – Олсон М. (1998) *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагнация, социальный склероз*, Новосибирск, ЭКОР.)

Olson, M. (1993) Dictatorship, Democracy, and Development, *American Political Science Review*, 87, 3, 567–575.

Olson, M. (2000) *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*, New York, Basic Books.

Persson, T., Tabellini, G. (2000) *Political Economics: Explaining Economic Policy*, Cambridge, MIT Press.

Pistor, K., Keinan, Y., Kleinheisterkamp, Y., and West, M. (2002) The Evolution of Corporate Law, *Journal of International Economics and Law*, 23, 4, 791–871.

Pistor, K., Keinan, Y., Kleinheisterkamp, J., and West, M. (2003) Innovation in Corporate Law, *Journal of Comparative Economics*, 31, forthcoming.

Pistor, K., Xu, C. (2002) *Law Enforcement Under Incomplete Law: Theory and Evidence From Financial Market Regulation*, Columbia Law School, mimeo.

Posner, R. (1974) Theories of Economic Regulation, *Bell Journal of Economics*, 5, 2, 335–358.

Posner, R. (1995) What Do Judges Maximize? R. Posner, *Overcoming Law*, Ch. 3, Cambridge, Harvard University Press.

Putnam, R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, Princeton University Press. (Рус. пер. – Патнэм Р. (1993) *Чтобы демократия работала. Гражданские традиции в современной Италии*, Москва, Ad Marginem.)

Rajan, R., Zingales, L. (2000) The Tyranny of Inequality, *Journal of Public Economics*, 76, 3, 521–558.

Rajan, R., Zingales, L. (2003) The Great Reversals: The Politics of Financial Development in the 20th Century, *Journal of Financial Economics*, 69, 1.

Rodrik, D., Subramanian, A., and Trebbi, F. (2002) *Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development*, Harvard University, mimeo.

Roland, G. (2000) *Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms*, Cambridge, MIT Press.

Shleifer, A. (1997) Government in Transition, *European Economic Review*, 41, 3, 385–410.

Shleifer, A. (1998) State vs. Private Ownership, *Journal of Economic Perspectives*, 12, 4, 133–150.

Shleifer, A., Treisman, D. (2000) *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*, Cambridge, MIT Press.

Shleifer, A., Vishny, R. (1993) Corruption, *Quarterly Journal of Economics*, 108, 3, 599–618.

Shleifer, A., Vishny, R. (1994) Politicians and Firms, *Quarterly Journal of Economics*, 109, 3, 995–1025.

Shleifer, A., Vishny, R. (1998) *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures*, Cambridge, Harvard University Press.

Smith, A. (1976) *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, Chicago, University of Chicago Press. (Рус. пер. – Смит А. (1962) *Исследование о природе и причинах богатства народов*, Москва, Соцэкгиз.)

Sonin, K. (2003) Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights? *Journal of Comparative Economics*, forthcoming.

Stigler, G. (1971) The Theory of Economic Regulation, *Bell Journal of Economics and Management Science*, 2, 1, 3–21.

Tullock, G. (1967) The Welfare Cost of Tariffs, Monopoly, and Theft, *Western Economic Journal*, 5, 0, 224–232.

Watson, A. (1974) *Legal Transplants: An Approach to Comparative Law*, Charlottesville, University of Virginia Press.

Wittman, D. (1989) Why Democracies Produce Efficient Results, *Journal of Political Economy*, 97, 6, 1395–1424.

Wurgler, J. (2000) Financial Markets and the Allocation of Capital, *Journal of Financial Economics*, 58, 1–2, 1187–1214.

Zhuravaskaya, E. (2000) Incentives to Provide Local Public Goods: Fiscal Federalism – Russian Style, *Journal of Public Economics*, 76, 3, 337–368.